

АЛЕН МОНЕСТЬЕ

**ЛЕГЕНДАРНЫЕ
МИЛЛИАРДЕРЫ**

Ален Монестье

Легендарные миллиардеры

«Алгоритм»

1991

Монестье А.

Легендарные миллиардеры / А. Монестье — «Алгоритм», 1991

Данная книга не содержит рецепта того, как стать миллиардером, более того истории, рассказанные автором, в могут в некотором смысле смутить честолюбивых охотников за богатством. Несмотря на некоторую ироничность и шутливость формы изложения некоторых глав книги, ее тема весьма и весьма серьезна. Деньги никогда не давались просто никому. При этом объектом внимания может служить не просто путь, по которому приходится пройти, чтобы получить желанное богатство, но и сам факт обладания им. Как утверждает автор, определить, что проще, порой весьма затруднительно. Миллиардеры современности находятся под постоянным наблюдением со стороны средств массовой информации, им приходится играть определенную роль, дабы не стать объектом классовой ненависти со стороны людей, не получивших и тысячной доли от того, что есть у них. В разное время общество по-разному относилось к тому, что некоторые его члены могли позволить себе роскошества, выходящие за рамки здравого смысла большинства людей. Книга содержит историю людей-миллиардеров, а также целых семейств, обладавших значительными богатствами. Автор проследит эволюцию взглядов на богатство со времен легендарного богача Креза, до современных арабских нефтяных миллиардеров. Знакомство с историей легендарных состояний позволит читателю не только проследить пути, которыми происходило их накопление, но и оценить последствия, которые неотделимы от обладания значительным богатством.

© Монестье А., 1991

© Алгоритм, 1991

Содержание

Введение	7
Быть богатым стыдно	8
Парадоксы богатства	9
Насильственное амплуа	10
Портретная галерея	11
Мифические личности	12
Выше норм и законов	13
Излишества ради излишества	15
Набоб в свете изменений национального характера и привычек	16
Три типичных портрета	18
Постоянное место в социальной иерархии	19
Анафема деньгам	20
Плата за миллионы	21
Богатство в старину	22
Крез	22
Жак Кёр	25
Медичи	33
Фуггеры	37
Семейство Вельзер	40
Никола Фуке	41
Европа: хорошие дела, хороший навар	48
Семейство Вендель	50
Ротшильды	58
Банки	66
Биржа	67
Жакоб Эмиль Перейр	69
Аристид Бусико	70
Марсель Буссак	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ален Монестье

Легендарные миллиардеры

Перевод:

Д. В. Соловьев (*Введение, Богатство в старину, Европа: хорошие дела, хороший навар*);

Л. М. Цывьян (*Америка, родина миллиардеров*)';

Н. М. Фарфель (*Буровые вышки Али-Бабы, Богачи-сумасброды*)

Введение

Если бы в этой книге содержался некий секрет того, как сделаться миллиардером, автор уже давно стал бы им, и у него не было бы никакой надобности писать ее. Вместо этого он, конечно, воспользовался бы всеми благами беззаботного существования и предался своим любимым занятиям, ничуть не заботясь о доходах с авторских прав. Ну а те читатели, которые приобрели этот труд, надеясь найти в нем ключ к богатству, что ж, это их дело: прочтя его, они ничуть не обогатятся и лишь пожалеют о потраченных на книгу деньгах. Хотя название ее и подчас шутливая форма повествования и могут ввести в заблуждение, на самом деле, содержание книги чрезвычайно серьезно.

Говорится в ней об одном из самых живучих мифов нашего времени, который получил широчайшее распространение, им ежедневно полнятся страницы массовой прессы, он питает гедонистическими мечтаниями воображение наших современников. В нынешнем низменно материалистическом веке рулетка и баккара, яхты и реактивные самолеты пришли на смену чудесам прошлого, таким как магараджи, с которых буквально сыпались золото и алмазы Голконды. Как ни удивительно, но эти новые чудеса все еще завораживают массы людей, несмотря на то что общество пропитано идеями равенства, а на деньгах, хоть они и служат предметом настоящего поклонения, вот уже две тысячи лет как лежит проклятие.

И христианская, и социалистическая традиции наложили на Мамонну нравственный запрет, который благодаря множеству пословиц, народных сказок и лубочных картинок пропитал все наше сознание. Для нас, несмотря на некоторое влияние протестантского меркантилизма и либеральных идей, деньги продолжают оставаться чем-то более или менее постыдным, и мы радуемся отсутствию у них запаха, подразумевая, что иначе он был бы отвратителен. С полным основанием их считают вредными для спасения души, главной причиной развращения нравов и порабощения человека человеком. «Доброе имя дороже золота», «не в деньгах счастье» – огромное число подобных поговорок буквально пропитывает всю нашу культуру. Оставаясь ужасающе притягательным для современного человека, золото порождает двойственные чувства: желание обогатиться даже самыми честными способами не всегда освобождает от укоров совести. Оно всегда хоть в малой степени, но скрывается под маской притворного бескорыстия. При всем материализме нашего времени в разговоре деньги остаются предметом табу, о котором люди хорошо воспитанные должны говорить с приличествующей сдержанностью.

БЫТЬ БОГАТЫМ СТЫДНО

Жизнь в роскоши, даже и не столь уж большой, предполагает некие способы защиты от зависти и враждебных взглядов. Добропорядочные люди если и говорят, что кто-то имеет «навар», «капусту» или «разжился деньжатами», то непременно с некоторой иронией, легким пренебрежением и понимающей улыбкой, словно дело касается какого-то отчасти даже смешного порока, о котором лучше даже и не упоминать. Конечно, сами они были бы совсем не прочь оказаться на месте тех, кто нежится на палубах собственных яхт или, пожевывая сигару, следит в бинокль за бегом своих скаковых лошадей. Но их восхищение этими людьми всегда смешано с тайным недоверием и глубокой враждой, которые не позволяют простить избранным мира сего ни свое невольное преклонение, ни свою зависть. Поэтому жизнь миллиардеров бесконечно труднее того, как ее воображают простые смертные. Самые заурядные из этих счастливицов попросту скрывают принадлежащие им богатства. Подобно Гарпагону они хотят покрыть все тайной и больше чумы страшатся разглашения: «Уж не собираешься ли ты проболтаться, что у меня есть шкатулка?» – с тревогой спрашивает этот мольеровский персонаж. Разоблачения он боится больше, чем ограбления. Другие выходят из положения, множа щедроты и помогая бедным. Некоторые становятся меценатами. Поддерживая артистов и художников, они надеются в нравственном смысле узаконить свои деньги. Способов откупиться, таким образом, бесчисленное множество, но все богачи, начиная от деревенского кулака и до международного мультимиллиардера, испытывают одну и ту же потребность – быть признанными несмотря на богатство и непременно вместе с ним. Мир устроен так, что нельзя быть богатым безнаказанно.

Французский актер Гранмениль в роли Гарпагона.
Иллюстрация из «Le Magasin pittoresque»

Парадоксы богатства

Несомненно, для миллиардера самое верное средство оправдаться за свои деньги состоит в том, чтобы разбогатеть еще больше. Как ни странно, но обвинения со стороны специалистов по классовой ненависти изрыгаются прежде всего в адрес мелких собственников и скопидомов, но щадят мультимиллиардеров. Профсоюзы систематически подогревают у беднейших своих членов ненависть к буржуа, к какому-нибудь провинциальному нотариусу, скопившему собственным трудом и экономией небольшой капитал, к его земле в деревне, к дому, просторнее, чем у других, и привилегиям его детей. Однако никому из них и в голову не придет обвинять тех богатых, чья оскорбительная роскошь услужливо демонстрируется на глянцевых страницах журналов. Умопомрачительные дворцы, в которых семья Патиño растрчивает деньги на празднества «Тысячи и одной ночи», суперяхты, сверкающие хромом роллс-ройсы – все эти атрибуты богатства настолько ослепляют, что даже не возникает и мысли осудить само их существование. Ведь они столь далеки, что здесь невозможно никакое сопоставление с обычной жизнью. Нефтяной король, эмир Кувейта, представляется обитателем какой-то другой планеты, и любое сравнение совершенно немыслимо. Но зато местный нотариус всегда под рукой в качестве объекта ненависти. Он часть того же общества, что и все, кормится от того же пирога, но – неискупимое преступление! – отхватывает самый большой кусок. Обладателя же несметного состояния защищает от вражды и зависти уже сама огромная дистанция между ним и всеми другими людьми. Мультимиллиардеров называют «олимпийскими богами современного мира». Это удачное и меткое сравнение. Чрезмерное изобилие богатств делает его владельца лицом недостижимым, вне законов и обычаев, существом почти мифическим, к которому все остальные смертные не могут даже приблизиться.

Насильственное амплуа

И обладатели больших состояний чуть ли не обязаны играть роль мифического персонажа. Если Гарпагон мог прятаться и избегать нападок, скрывая свое богатство, Крез делать этого уже никак не может. Он охотно обошелся бы без стесняющей его славы, но принужден, дабы не вызывать злобных взглядов, выходить на публику и играть свою роль. А зрители ждут от него вполне определенного представления – представления, в котором ему одному позволено быть счастливым избранником неумолимой Фортуны, бросающей свои дары к ногам первого встречного, в то время как большая часть рода человеческого остается в нищете. Благодаря средствам массовой информации создается настоящая мифическая легенда, которая отвечает ожиданиям публики и заставляет ее принять существование миллиардеров. Что бы миллиардер ни делал, он всегда на виду. Под угрозой стать козлом отпущения всех разновидностей классовой ненависти он должен сохранять предписываемое воображением общества положение и неукоснительно исполнять все требуемые современной мифологией обязанности.

Портретная галерея

Те стороны жизни миллиардеров, которые средства массовой информации доводят до публики, всегда выбираются с определенным умыслом. Последовательностью едва заметных штрихов стремятся создать нужный образ и выстроить соответствующую легенду. Как и в отношении знаменитых преступников или кинозвезд, у прессы есть целый набор стандартных качеств и случаев, предназначенных для изображения жизни миллиардеров, которую она столь умело расцвечивает, что ее герои становятся, в конце концов, чуть ли не вашими близкими родственниками. Скольких наделяли все той же патологической скупостью, тем же бессердечием и ставшим уже привычным добровольным и трагическим затворничеством, не говоря уже о любовных неудачах! Сколько биографий начинается с истории об отце, лишившем ребенка наследства, или о подавляющей всех властной матери, или, наконец, о бедности, которую, как известно, биографы стремятся сколько возможно усилить!

Мифические личности

Предлагая в этом труде ряд портретов тех, кого считали самыми богатыми людьми в мире, мы стремились не столько к исторической правде, сколько к тому, чтобы показать сложившиеся вокруг них легенды. Пусть читатель не посетует на нас за неточность некоторых сведений и за подчас отрывочный их характер. Уклонившись от скучного и изнурительного труда биографа, мы попытались восстановить те образы наших персонажей, которые были созданы прессой и молвой. Мы стремились выявить мифологию богатства, опираясь на рассказы о некоторых жизнях, показавшиеся нам особенно характерными для народной психологии.

Выше норм и законов

Когда в 1973 году Антенор Патиньо построил на восточном берегу Мексики в Лас-Гадасе курорт для миллиардеров наподобие второго Голливуда, один бесцеремонный журналист спросил, не кажется ли оловянному королю чрезмерным расходом выбросить за один уик-энд двести пятьдесят миллионов долларов на прием трехсот избранных? Немного удивленный странностью вопроса, Патиньо помедлил секунду, а потом категорически изрек: «Мой друг, запомните, что удовольствия миллиардеров никогда не бывают чрезмерными».

Конечно, это был несколько вызывающий выпад или, быть может, признак дурного настроения, вполне понятного со стороны этого набоба, которого нисколько не щадила пресса: его брачные злключения годами не сходили со страниц специальных журналов. И все-таки ответ Антенора Патиньо весьма показателен для тех отношений, которые современные миллиардеры поддерживают или стремятся поддерживать через средства массовой информации с широкой аудиторией, состоящей из тех, кому трудно сводить концы с концами и кто ищет забвения собственных бед, читая в иллюстрированных журналах о неприятностях суперзвезд и финансовых магнатов. Его ответ обнажает желание и даже потребность сих первейших среди избранных поставить себя выше обычных правил и свести на нет пагубные следствия зависти к ним, для чего нарочито выставляется напоказ то самое чрезмерное богатство, которое порождает эту зависть. И вопреки тому, что было бы естественно предположить, кричащая роскошь это не только бахвальство самодовольного нувориша. Она обладает одним весьма полезным свойством – примирять с оскорбительным неравенством доходов. Ослепляя сплошной массой золота, поражая неимоверно дорогими причудами, небрежно кидая за окно ведра икры, современные миллиардеры отнюдь не возбуждают зависть толпы. Напротив, они ее усыпляют и как бы растворяют в мечтательном сне. Своими беспорядочными и бесполезными тратами они как бы показывают землю обетованную прямо здесь, среди мизерности окружающего мира. Благодаря этому рай земной представляется реальной возможностью. Чрезмерное богатство доказывает, что не вся планета погружена в тусклую повседневную жизнь, что в ней есть и пещеры Али-Бабы, и счастливые острова, и сказочные замки фей, и даже самые обездоленные когда-нибудь найдут магический ключ.

В представлении наших современников, миллиардеры призваны воплощать ту особенную реальность, в которой есть место очаровательным принцам ушедших времен. Беря в жены пастушку (хотя случалось это весьма редко), очаровательный принц узаконивал таким образом свое существование; женись на манекенщице или секретарше (что бывает чаще), миллиардер стремится к тому же: доказать реальность самой невероятной мечты. Население дешевых мебелирашек, иногда мрущее от голода и почти всегда – от скуки, не только не проклинает его за жизнь, не имеющую ничего общего с жизнью простого обывателя, но, напротив, благодарно ему, видя хоть и ничтожно малую, но все-таки вероятность райского существования на земле. Родившийся как бы в рубашке мультимиллиардер вызывает не больше зависти, чем выигравший в лото. Колесо Фортуны вертится без остановки, и слепое божество наугад выбирает тех, кто будет осыпан его благодеяниями. Видя сказочную жизнь денежных набобов, каждый мечтает о том, что, может быть, завтра придет и его черед, что и ему выпадет большой выигрыш, а она «выйдет за грека», или вдруг придет старый нотариус с известием о смерти американского дядюшки-миллионера. Поддерживая в сознании общества мечту о безмятежно счастливой земной жизни, исполняя роль земли обетованной из народной легенды, тесный мирок может не только стать приемлемым, но и заставить народные массы, несмотря на их зависть, полюбить себя. Столь несправедливо привилегированная жизнь миллиардеров помогает беднякам смириться со своей судьбой, потому что

среди серой повседневности она открывает окошко в голубые небеса. И охотнее всего таким окошком служат самые популярные французские еженедельники – «Пари-Матч» и «Франс-Диманш».

Чтобы справляться со своей ролью, какой она представляется воображению масс, олимпийское божество Фортуны, будь оно миллиардером или суперзвездой кинематографа, должно непременно удовлетворять двум противоречивым требованиям. С одной стороны, нужно все время показывать свою принадлежность к миру, совершенно отличному от того, в котором прозябают простые смертные, и притом избежать за это осуждения; поэтому положение избранника непременно требует экстравагантности. С другой стороны, этот избранник должен так или иначе оставаться доступным. Мечта о счастье, если ее совершенно невозможно осуществить, уже не настоящая мечта и не способна волновать чувства. Швея или портниха может увлечься чтением своего журнала только в том случае, если для нее сватовство Ага Хана не будет абсолютной химерой.

Излишества ради излишества

«Лучше быть большим негодяем, чем мелким жуликом», – говорил Талейран. Конечно, все миллиардеры отнюдь не негодяи. Некоторые из них, несомненно, честны и добропорядочны. Но все те, кому положение не позволяет избежать любопытства толпы, в большей или меньшей степени актеры, понявшие мудрость этого правила и неизменно ему следующие. Они инстинктивно чувствуют, что только экстравагантность личности может оправдать чрезмерное богатство. Совершенно отличная от обыденной жизнь предполагает, что и все ее конкретные проявления также находятся вне обыденного. Исключительной судьбе должна соответствовать и незаурядная личность: было бы непереносимо видеть миллиардера «господином как все».

Набоб в свете изменений национального характера и привычек

Желание рассмотреть миллиардеров не в их чисто человеческой реальности, но в свете их восприятия общественным сознанием, к чему мы и стремимся здесь, сразу же наталкивается на одну трудность. Все они играют роль и ощущают потребность стать действующими лицами в театре средств массовой информации ради того, чтобы были признаны их сверхпривилегии. Однако им приходится выступать перед совершенно разными обществами, отличными и по образу мыслей, и по национальному характеру от страны к стране (особенно от континента к континенту). Суперзвездам богатства приходится учитывать все это при исполнении своей роли. Отношение общества к деньгам сильно отличается на обоих берегах Атлантики, а также в католических и протестантских странах, не говоря уже о Западе и Востоке. Неодинаково и восприятие личности миллиардера. Роскошная яхта Корнелиуса Вандербильта вызывает восхищение нью-йоркских докеров, но в лондонском порту над ней будет смеяться вся Англия. Французское общество не ставит в упрек султану Брунея бесполезный дворец в две тысячи восьмьсот комнат, но построй его для себя француз, столь скандальное расточительство было бы сурово осуждено.

Роли, которые принуждены играть миллиардеры, меняются также от эпохи к эпохе. Люди нового поколения созидателей богатств, такие как Бернар Тапи, хорошо понимают и силу средств массовой информации, и влияние на общество «молодых динамичных предпринимателей». И вот они, при мощной поддержке рекламы, уже изображают себя спасителями отечества и, преисполненные гордости за свои достижения, решительно вступают в борьбу с тем чувством вины, которое у нас всегда сопутствует деньгам. Этим они во многом отличаются от основателей династий европейских миллионеров прошлого века, которым приходилось вписываться в общество, где традиционно законность власти и богатства основывалась на происхождении и где было куда важнее «хорошо родиться», чем преуспеть в делах. Поэтому-то они и старались подобрать обноски старой аристократии, покупая развалившиеся замки, заново вызолачивая древние гербы и стараясь заполучить себе в жены девиц из обедневших фамилий. Им приходилось спешить, чтобы успела появиться патина времени, а семейства обрели аристократические манеры и научились искусству ослеплять своим богатством, сохраняя при этом чувство меры и хорошего вкуса. Портреты миллиардеров, которых продвигает пресса, создаются под влиянием не только культуры их страны, но в равной мере и представлений французского общества об этой стране, и поэтому они весьма значительно отличаются друг от друга. Каждой стране присущи определенные типы личностей и биографий, которые служат основой для свойственных только ей мифов и выявляют особенности национального характера. Великие американские магнаты, несмотря на все их различие, несомненно, обладают родственными чертами. Это часто *self-made man**, которые гордятся тем, что вознеслись из ничтожества, и без ложного стыда демонстрируют приобретенные богатства. В большинстве случаев они протестанты и любят выставлять напоказ свои чисто пуританские добродетели. При этом как никто другой они умеют вывести из богатства мораль, заключающуюся в том, что деньги есть справедливое воздаяние за трудовую и экономную жизнь. Другое дело в Европе. Там принято вести себя скромно – исключение составляет лишь неподражаемый Бернар Тапи, – поскольку люди завистливы, и надо щадить их чувства. Олимпийскому божеству Старого Света приходится прибегать в средствах массовой информации все к новым и новым ухищрениям, чтобы обезоружить критику. У нас всегда полезно принадлежать одновременно и к «старой Франции», и к «мыслящей Франции», посещать и аристократические дома, и кафе, где собираются коммерсанты. Некоторые, дабы укротить ненависть, порождаемую их богатством, проводят время то на

своей яхте, то на площади Колонель-Фабьен. Зато арабам, неграм, индийцам, китайцам (из Гонконга), японцам, малайцам и прочим индонезийцам западное общество позволяет совершенно безнаказанно быть мультимиллиардерами. Даже если их состояния нажиты на прозаических нефтедолларах, а не на сказочных алмазах Голконды, даже если они накоплены и поддерживаются ценою бесчисленных несправедливостей – все равно все эти эмиры, паши и магараджи остаются кузенами Али-Бабы, то есть легендарными героями. Они обитают в таком райском далеке, куда просто невозможно дотянуться.

Три типичных портрета

Если читать массовую прессу, выделяются три типичных портрета миллиардеров: из старой Европы, несущих на себе груз древних предрассудков и вынужденных заигрывать с общественными представлениями, отягощенными историей; из Северной Америки – этого Эльдорадо современности, которых наша эпоха воспринимает как великих авантюристов; и, наконец, из всего остального мира, где необязательно быть даже магараджей, чтобы восприниматься на Западе героем легенды. Этим трем типам соответствуют три основных раздела нашего труда. В каждом из них предлагается ряд рассказов, расположенных в хронологическом порядке и посвященных тем знаменитым людям, которые, на наш взгляд, особенно показательны в своем роде.

Образ миллиардера, который мы пытались обрисовать во введении, характерен, по сути дела, только для современного мира. Его появление связано с двумя феноменами, возникшими в XIX веке, но развившимися и окончательно утвердившимися лишь в XX веке: капитализмом, который, в свою очередь, был порожден появлением промышленности, и массовой прессой, возникшей во Франции не ранее эпохи «Пти-Журналь», то есть в первые годы Третьей Республики.

До того времени газеты и журналы слишком мало читались, а система сообщения новостей была слишком примитивной, чтобы между отдельной личностью и обществом мог возникнуть диалог и какой-нибудь человек, подобно нынешним миллиардерам, постоянно и во всех мелочах жизни оставаясь на глазах всего света, имел возможность превратиться в героя прессы и суперзвезду последних известий. Кроме того, сколь бы ни были богаты некоторые исторические персонажи, сама структура собственности в прежние времена настолько отличалась от современной, что самих этих персонажей никак нельзя сравнивать с нашими набобами. Даже если богатство накапливалось благодаря торговле или банкам, оно непременно заключалось в земельной собственности и было плотью от плоти общественного организма, подчиняясь при этом старинным и довольно сложным правилам.

Постоянное место в социальной иерархии

Все эти изощренные спекулянты – Жаки Кёры, Фуке и Медичи – были отнюдь не просто деловыми людьми, которые жонглируют на бирже анонимными капиталами. Они вкладывали свои деньги в замки и сеньориальные владения и благодаря этому сами становились сеньорами, владельцами вотчин, населенных крестьянами, в отношениях, с которыми они соблюдали взаимные обязательства, унаследованные еще от Средних веков. И если их богатства достигали уж совсем невероятных размеров, они становились принцами, владельческими князьями, чья первейшая обязанность состояла в управлении городом, осуществлении правосудия и защите тех, кто вскоре должен был стать их подданными.

Богатство ни в коей мере не ставило этих людей вне общества. Оно только позволяло им забраться на вершину пирамиды, где, однако, положение их оказывалось весьма шатким, о чем зачастую и свидетельствует жизнь наших героев. По самому духу тех старых времен в экономической и социальной системе Европы было немыслимо, чтобы личность существовала вне иерархии. Для общества эпохи Людовика XIV Фуке прежде всего суперинтендант финансов и лишь во вторую очередь – сказочно богатый человек. Зато через двести лет Ротшильд уже прежде всего миллиардер: его имя неотделимо от биржи, ажиотажа, спекуляций на железных дорогах и анонимных денег. Большинство даже не подозревает, что он также управляющий Банком Франции и, кроме того, занимает при правительстве ту или иную официальную должность.

Разница между этими двумя людьми весьма показательна. Крез эпохи абсолютизма не выделяется из общей иерархии и может стать нарушителем социального порядка только в том случае, если подозрительному монарху покажется чрезмерным его престиж. Богатства всех министров в век Короля-Солнце таковы, что сегодня, по прошествии времени, они кажутся нам просто скандальными. Но в ту эпоху, если у самих обладателей богатств не возникало искушения «высунуться из своего ряда», никто и не думал осуждать их. Крез же капиталистической эры существует как бы в стороне от общества, вне его норм, правил и иерархий. Конечно, все знают, что он завсегдатай коридоров власти и может иметь решающее влияние на политику страны. Часто именно это и ставят ему в вину. Но он всегда выглядит как чужеродное тело при власти, которое оказывает на нее незаконное и таинственное воздействие. Поэтому весьма рискованно ставить в один ряд миллиардеров XX века и «миллиардеров» (условно говоря) прошлых столетий. Сравнивать можно лишь то, что поддается сравнению.

Нам представляется небесполезным предварить нашу галерею портретов, взятых из последних двух веков, несколькими знаменитыми персонажами времен более отдаленных. Хотя ни Фуке, ни Жака Кёра, ни Медичи нельзя причислить к «порождениям средств массовой информации», каковыми были какой-нибудь Онасис или Бернар Тапи, и хотя невозможно видеть в них «миллиардеров» в современном смысле этого слова, все же приключения, а часто и злоключения их жизни не менее показательны для традиционного отношения западного христианства к деньгам.

Анафема деньгам

Деньги позорят, и обладание ими по сей день вызывает в памяти древние проклятия. В Средние века Церковь предавала анафеме ростовщичество и ростовщиков, оставляя это гнусное занятие ломбардцам, жителям Кагора и прежде всего евреям, которые извлекали из сего занятия баснословные барыши и катастрофическую репутацию. «Получив даром, даром и отдайте». Тогда профессия банкира казалась в вопиющем противоречии с этим евангельским предписанием. Отдача денег займа должна основываться не на выгоде, а на милосердии. Конечно, с течением времени и вследствие экономических причин Церковь несколько ослабила строгость этого запрета. Чтобы возместить утраченную прибыль из-за длительного омертвления капиталов, а также риск займодавца, она позволила брать скромное вознаграждение. Но это послабление было все-таки весьма ограниченным. В принципе, одалживание денег под проценты приравнялось к ростовщичеству, и сохранялось запрещение жить на доход с капитала под страхом быть отлученным от Церкви.

Однако начиная с XVI века развитие торговли, возникновение предкапиталистической экономики и влияние Реформации постепенно заставили христиан позволять себе вольности с теми евангельскими заповедями, которые слишком уж мешали денежным делам. И все-таки страх потерять репутацию продолжал преследовать людей. «Денежная язва не смертельна», – именно так они пытались утешить себя. Но множество народных поговорок и легенд в течение веков поддерживали такое мировосприятие, при котором главным совра- тителем душ и всего общества считался «великий денежный дьявол».

Плата за миллионы

Христианские проповеди и народная мудрость в один голос напоминают, что Фортуна капризна и колесо ее в конце концов непременно раздавит того, кто был взыскиваем благодеяниями ее. Деньги – это отравленный дар Злого Духа, от которого человек может ждать лишь своей гибели. Рано или поздно, но тщеславие собирающего богатства мира сего будет наказано. Поэтому публика смотрит на Креза как на канатоходца, с интересом ожидая, когда он упадет. Весьма показательно, что во Франции легенды о достигших богатства сохраняются прежде всего благодаря их окончательному краху. Как будто во всей жизни этих людей только крах и заслуживает внимания. В этом отношении горе тем миллиардерам, которые миллиардерами и умерли: неблагодарное потомство забывает о них. Многие министры при Старом Порядке, начиная с Мазарини, накопили значительно больше богатств, чем Фуке или Жак Кёр. И только потому, что на их долю не выпала впечатляющая финальная катастрофа, они уже никогда не попадут на Олимп Фортуны. Ведь у нас полагается, чтобы сказочно богатые нувориши подобно Крезу были обречены стать жертвой на костре собственных амбиций. И пока они раздуваются, как лягушки из басни, на них смотрят с интересом, но и с нетерпеливым ожиданием, когда же они наконец лопнут и заплатят этим за свою дерзость.

Такой склад ума, унаследованный от прошлых веков, значительно больше, чем можно предполагать, присущ нашим современникам. Что касается самих миллиардеров, то отношение к ним общества всегда двойственно: к восхищению артистом примешивается и немного зависти; если он падает, о нем сожалеют, но все-таки тайно радуются, что он оказался таким же, как и обычные люди.

Богатство в старину

Крез (VI век до н. э.)

Тот, кого древние почитали самым богатым человеком во всей Вселенной, возможно, окончил свою жизнь на костре

Непостоянство Фортуны

Геродот оставил нам несколько рассказов об этом царе Лидии, чьи богатства и трагическая судьба поражали воображение древних.

Одни из них просто выдумка, другие весьма сомнительны, не говоря уже об апокрифах. Впрочем, это не помешало царю стать героем легенды, которая и по сей день служит образцом во всем, что касается миллиардеров.

Царь-завоеватель

Последний из династии Мермнадов и последний царь Лидии Крез правил с 561 по 546 год до н. э.

Меценат

Этот римский всадник родился в Ареццо в 69 году до н. э. и был после Креза вторым великим миллиардером Древнего мира. Он пользовался доверием императора Августа и стал покровителем искусств и изящной словесности. Его щедротами пользовались, среди прочих, Вергилий, Гораций и Проперций.

Он был сыном царя Алиатта и карийки и наследовал отцу после того, как двенадцать лет при нем правил страной.

Крез заботился лишь об увеличении своих владений и преумножении тем самым богатств, которые вскоре стали такими, что вошли в пословицу. Заручившись дружбой спартанцев, он с ненасытной жадностью, восхищавшей его современников, принялся расширять свое царство. На западе он обложил данью греческие города Ионии, на востоке – отодвинул границу Лидии до реки Галис.

Крез – царь Лидии

Легендарный царь

Вполне надежные источники подтверждают существование скопленных им в своей столице Сардах сокровищ, а также его отношения с дельфийским оракулом. Однако приезд к нему Архонта Солона ничем не подтверждается, хотя именно это событие, подобно морали в притче, придает смысл жизни царя-миллиардера.

Философ, который портит людям жизнь

Согласно преданию, полагавшему себя счастливейшим из людей Крезу пришла в голову неудачная мысль спросить Солона, человека большой культуры и всеми уважаемого, что он думает о его жизни. В ответ на это мудрец изобразил на своем лице сомнение и назидательно изрек: «Не дожив до смерти, никто не может почитать себя счастливым». Но царская душа не была отягощена такой же печалью, как у Солона. Он вполне здраво рассудил: раз нельзя назваться счастливым, пока не умрешь, то уж после смерти на это еще меньше надежды; а это отнюдь не обнадеживало. Посему, лишь пожав плечами, возвратился царь к прежней своей беззаботной жизни.

Но вскоре на Креза пошел войной персидский царь Кир, угрожая захватить всю Лидию. Крез как тонкий политик поспешил по своему обыкновению посоветоваться с дельфийским оракулом, который сказал ему, что «если он перейдет Галис, то разрушит великое царство». Крез буквально последовал этому спасительному совету, перешел со своим войском реку, наголову разбил персов, возвратился с триумфом и, распустив воинов по домам, с наслаждением опять предался пересчитыванию своих сокровищ. Однако он не подумал об ожесточении Великого Царя, который, пользуясь зимним временем, внезапно напал и осадил Сарды. Крез был пленен, и Кир, отнюдь не славившийся милосердием, вероятно, велел по обычаю того времени лишить его жизни.

Happy end?

Однако, согласно более оптимистическому преданию, царь-миллиардер спас свою голову с помощью совершенно неожиданной уловки. Взойдя на костер, где его хотели изжарить, он со стенаниями прошептал: «Ах! Солон, Солон, как ты был прав!». Кир, подобно всем людям Древнего мира, очень любил невразумительные загадки. Когда он услышал непонятные слова Креза, то подумал, будто это говорит оракул, велел объяснить их смысл, а

узнав, в чем дело, прослезился и не только помиловал своего врага, но и обещал ему покровительство.

По этому преданию Крез был сделан тайным советником Великого Царя и счастливо окончил свои дни при дворе Кира и Камбиза.

Жак Кёр (ок. 1395–1456)

Жак Кёр блистал не только на поприще «импорта-экспорта», он был еще и судовладельцем, и сам себе банкиром. Изобретатель «треста» допустил только одну оплошность – родился на четыреста лет раньше, чем следовало.

Роковая развязка

31 июля 1451 года в Большом Совете под председательством короля Карла VII разыгралась трагическая и вместе с тем эффектная сцена, одна из тех, которые привели бы в восторг журналистов, существуй они тогда. После нескольких доносов, по большей части анонимных, к Его Величеству обратились с просьбой, чтобы он повелел заключить в тюрьму и предать правосудию своего великого казначея Жака Кёра, человека чрезвычайно богатого и имевшего поэтому множество завистников.

Девизы

Дом в Бурже прекрасно характеризует личность построившего его человека. Особенно выразительны девизы на стенах. Среди них есть, например, такие: «Храброе сердце всего достигает»; «Выслушай, скажи, сделай, смолкни»; «Если рот закрыт, туда и муха не влетит».

Дело было весьма важное, ибо, кроме доверия короля, он пользовался еще уважением и даже дружбой Его Святейшества папы Николая V. Среди прочих преступлений его обвиняли в отравлении королевской фаворитки Агнесы Сорель и в чрезмерном обогащении за счет короны. Не без некоторой задней мысли придворные упорно настаивали, чтобы монарх наложил секвестр на имущество банкира, прежде чем конфисковать его в пользу самых ревностных своих слуг. Карл VII отличался слабой волей и легкой внушаемостью; он послушно исполнял все, что требовали новые фавориты, от которых зависела погода во дворце. Вяло порассудив о том, как поступить в этом неприятном положении, он уже собрался было призвать капитана стрелков, но тут вдруг с шумом явился сам обвиняемый, несомненно предупрежденный кем-то из его шпионов при дворе. «Государь, – воскликнул он, – умоляю, Ваше Величество, позвольте мне оправдаться в тех клеветах, которые возведены, чтобы погубить меня. Оставьте меня своим пленником до тех пор, пока невиновность моя не будет бесспорно доказана». Король, который не умел никому отказывать, согласился на испрошенную милость, и в тот же вечер Жак Кёр, самый богатый человек своего времени, оказался в башне замка Тайлебург. По прошествии недолгого времени его перевезли в темницы Люзиньяна, и до самого суда он находился там под охраной своего злейшего врага, в прошлом предводителя шайки «потрошителей», которого он обидел тем, что дал займы денег. Это был хотя и знатный, но мало разборчивый в средствах вельможа по имени Антуан де Шабанн, ставший вскоре одним из судей Жака Кёра.

Так завершилась карьера человека, которого можно считать первым капиталистом в истории Европы. Он поражает как своими невиданными успехами, так и множеством романтических приключений.

Под сенью Беррийских герцогов

Будущий королевский казначей появился на свет в Бурже около 1395 года. Историки-романтики сочли необходимым украсить легенду и увеличить его личные заслуги, для чего назначили ему родиться в бедности.

Однако никак нельзя отнести семейство Кёр к простонародью, ведь оно владело собственным домом в городе, процветавшем благодаря дворцу герцога Беррийского Жана Вели-

колепного, которого обессмертили в своих хрониках лимбургские монахи. Отец Жака Кёра происходил из Сен-Пурсена, в Бурбоннэ он занимался весьма прибыльным делом – торговлей мехами. Он принадлежал к числу влиятельных горожан Буржа. Один из братьев Жака Кёра, Никола, состоял каноником в герцогской часовне, а сестра его вышла замуж за некоего Жана Бошетеля, секретаря короля Карла VI. Что касается его жены, Масэ де Леодепар, то она была дочерью высокопоставленного герцогского придворного и внучкой мастера монетного двора. Другими словами, хотя семья и не была очень богата, мальчик от самого рождения принадлежал к той городской аристократии, которая уже более века поднималась все выше и выше.

Воспитание юного бюргера

О воспитании Жака Кёра в детские годы известно мало достоверного, поэтому остается лишь прибегнуть к игре догадок. Его собственная семья и семья его тещи с давних пор занимались чеканкой монеты и ювелирным делом, и весьма вероятно, что по обычаю того времени он, продолжая семейную традицию, шесть лет учился этому ремеслу. Ювелирное дело доставляло тогда много выгод и преимуществ, и столь честолюбивый человек, конечно же, не пренебрегал ими. В ту эпоху такое занятие отнюдь не считалось еще чем-то низменным, как это стало потом с ремеслами, получившими пренебрежительное название «механических». Наоборот, оно давало личное дворянство и весьма облегчало доступ ко двору. Именно таким образом Кёры и Леодепары приблизились к Беррийскому дому. Что касается других занятий Жака Кёра, то мы о них почти ничего не знаем, кроме того, что он не учился в университете, а только прошел курс теологии и был посвящен в низший духовный сан. Это не помешало ему жениться, и позволило всю жизнь, а особенно во время суда, пользоваться привилегиями и льготами, предоставленными духовенству.

Поставщик буржского короля

Катастрофы Столетней войны явились для молодого монетного мастера истинным благодеянием. Разодранная на части Франция оказалась под игом захватчиков. 21 июня 1418 года будущий король Карл VII бежал в поисках убежища в свой добрый град Бурж, ожидая чуда небесного, которое спасло бы его королевство от англичан.

Именно тогда Жак Кёр и два его сотоварища, Рован-Датчанин и Пьер Годар, получили в свое управление городской монетный двор. Благодаря этому они приобрели немалые выгоды, пользуясь, несомненно, средствами, весьма далекими от нравственных требований их профессии. Первый известный нам подлинный документ, относящийся к Жаку, это разрешительная грамота короля Карла VII от 6 декабря 1429 года, по которой он и его сотоварищи были прощены в совершенном ими преступлении – чеканке монет «дурной пробы», то есть из такого серебра, которое не соответствует королевским указам.

Возвышение монетного мастера

Эта мелкая неприятность нимало не повредила карьере нашего бюргера. В то время спекуляция на весе и пробе монет широко практиковалась, и ее считали скорее маленьким грешком, чем преступлением, если, конечно, делалось это с достаточной осторожностью.

Да и сам король имел все основания быть снисходительным к банкиру, чьи деньги хоть и низкой пробы, но все-таки помогали содержать победившее под Орлеаном войско Жанны д'Арк. Жак Кёр был не только не удален от двора, но получил повышение – стал придворным поставщиком.

При том положении, в котором находился тогда король Франции, эта должность была настоящей синекурой, из которой Жак сумел извлечь немало выгод. Обеспечение дворца всем необходимым было не единственной его привилегией. Занимаемое положение позво-

ляло ему знать все тайны власти, но, что важнее всего, поскольку у Карла не оставалось и ломаного гроша, он совершенно естественно стал его банкиром.

С этого времени Карл VII постоянно прибегал к помощи Жака Кёра, чтобы найти деньги для войн и на другие нужды. А наш бюргер охотно давал ему кредиты на очень долгие сроки и даже, что было еще прибыльнее, как бы просто так, за некоторые привилегии и незаконные льготы, благоприятствовавшие расширению его дел.

Путь к Леванту

После того как на старой рыночной площади была сожжена Жанна д'Арк, война на четверть века более или менее затихла, что способствовало дальнейшему развитию торговли. Жак Кёр сразу же воспользовался этим для извлечения выгод от полученных им королевских привилегий.

Международной торговли в то время практически не существовало, ее еще предстояло создавать. Для дел с Левантом у Франции тогда не было ни флота, ни портов, способных принимать большие суда, ни дипломатических соглашений, позволяющих вести дела с мусульманскими странами.

Прежде чем приступить к осуществлению своих обширных замыслов, Жак Кёр принял опасное разведывательное путешествие в Дамаск, Бейрут и некоторые другие столицы Востока. Это путешествие чуть было не стало для него последним. На обратном пути его судно, нагруженное товарами почти до верхушек мачт, попало в ужасную бурю и затонуло у берегов Корсики, где местные жители, хотя люди и гостеприимные, взяли всех в плен, а самого Жака Кёра отпустили только после того, как заполучили все его имущество.

Легенда

Рассказывали, что, желая поразить своих современников, Жак Кёр выложил пол одной из комнат своего буржского дворца золотыми монетами, поставленными на ребро. Конечно, этого никогда не было, но... легенды живут долго!

Лангедок

Деятельность Жака Кёра послужила для юга Франции началом экономического расцвета. Уже в 1444 году епископ Пюи писал: «Плавания галионов суть главный источник существования и пропитания лакгедокской земли».

Нимало не обескураженный этой неудачей, наш бюргер, успевший завязать на Востоке нужные связи, с легким сердцем принялся за дело.

Прежде всего, он приступил к строительству хорошо оборудованного порта на Средиземном море, для чего был избран Монпелье по причине довольно хороших дорог, связывавших этот город с внутренними провинциями Королевства. Кроме того, Жак Кёр имел одну исключительную привилегию, дарованную покойным папой Урбаном V – отправлять каждый год шесть судов в Александрию для торговли с неверными, что было запрещено всем другим купцам христианского мира, как измена вере. И Жак Кёр заставил городских советников Монпелье вырыть каналы, необходимые для приема больших талионов.

На некоторые работы он дал собственные деньги и, к величайшей радости горожан, начал строить «купеческий дом», предназначенный одновременно для биржи и для торгового суда.

Употребляя все свое влияние для скорейшей постройки порта, Жак Кёр заложил на верфях собственный флот – семь кораблей, четыре больших галиона, или галеаса, и три судна с малой осадкой, таких как барки, фусты и галиоты. После постройки судов ему надо было еще найти для них экипажи, что в то время представлялось делом чрезвычайно трудным. Банкир придумал для этого новый способ, получивший королевское одобрение и упо-

треблявшийся впоследствии с большим успехом – принудительную вербовку «за справедливое вознаграждение (...) плутов, развратников, притонодержателей и прочего сброда» из отбросов городского населения.

Торговля и политика

Главный талант Жака Кёра состоял, несомненно, в незаурядных дипломатических способностях. Именно благодаря ему он сумел добиться от короля Франции и от верховного первосвященника небывалых привилегий для своих предприятий. У Карла VII он выторговал позволение силой забирать в матросы всяких бродяг, а у папы Евгения IV – исключительное право торговли с неверными в течение семи лет. Первое папское разрешение было дано 6 сентября 1446 года, благодаря хлопотам нарбоннского каноника Этьенна из Камбре, ловкого ходатая, добившегося, кроме того, для старшего сына Жака Кёра епископского места в Бурже. Второе разрешение последовало через два года во время приезда в Рим королевского посольства во главе с тем же Жаком Кёром. Булла Николая V продлевала прежнюю привилегию на всю его жизнь и вдобавок разрешила ему перевозить паломников в Святую Землю.

Флот

Известны имена главных кораблей Жака Кёра: «Нотр-Дам Сен-Дени», «Нотр-Дам Сен-Мишель», «Нотр-Дам Сен-Жак» и «Ля Мадлен».

Господин Добрых Услуг

Но одно дело – получить все эти привилегии, делавшие его почти монополистом в левантийской торговле, и совсем другое – реально воспользоваться ими. Для этого надо было не только заручиться содействием родосских рыцарей, но и договориться о торговле с их заклятым врагом – султаном Египта.

Это удалось ему благодаря двум дипломатическим демаршам, которые, хотя и были с виду совершенно бескорыстными, тем не менее служили лишь его личным целям. Во-первых, с благословения папы он добился мирного договора между Родосом и султаном. Во-вторых, убедил султана отменить запрет на пребывание венецианских купцов в Египте. Но эта двойная услуга своим конкурентам (родосские рыцари, как и венецианцы, играли большую роль в средиземноморской торговле) не помешала талионам Жака Кёра найти путь на Восток.

Посол Его Величества

С этого времени Абу Сайд эль-Дахер (так звали султана) благосклонно относился ко всем действиям банкира и его агентов, а особенно к тому, что сделал от имени короля Карла VII Жан де Виллеж, капитан талиона и племянник (по жене) Жака Кёра.

Стараясь задобрить властителя Египта, наш банкир нарушил все запреты и отправил ему в дар оружие и доспехи, которые были тогда последним словом техники, то есть не позволяли носившему их сделать ни малейшего движения. В ответ на это султан послал королю Франции «ароматнейший бальзам из своих садов, китайский фарфор, имбирь, сахарную пудру, миндаль и пятьдесят фунтов бамбу-гета» – драгоценного вещества, о котором ничего не знали даже самые наимудрейшие ученые. Абу Сайд любил забавляться войной, а Карл VII обожал сладости, и поэтому оба монарха решили обменяться послами и совместно покровительствовать торговле между своими странами.

Родос

На этом острове находились подворья рыцарей из разных христианских королевств, благодаря чему он являлся важнейшей военной крепостью, но что касается торговых дел, здесь его роль была ничтожна.

Империя Жака Кёра

Ведя все эти переговоры с рвением верноподданного, Жак Кёр не забывал и о собственных выгодах. Он получил от султана особую привилегию для своих талионов и мог теперь, не опасаясь конкуренции, перевозить товары с одного конца света на другой. На Левант доставлялись сукна из Фландрии и Брабанта, лионское полотно, плетеные в Монпелье корзины, воск, винный камень, кислота для крашения кож, а также розы и фиалки, которые арабы употребляли для изготовления своих прославленных благовоний. Обрато привозили восточные сласти, арабских скакунов, мускус, духи и еще множество других замечательных вещей.

Золотая жила

Одной только левантийской торговли было достаточно, чтобы поставить нашего буржского купца в один ряд с самыми богатыми людьми своего времени, но судьба определила для него совершенно необычную жизнь.

Этот чуть ли не единственный человек, торговавший с неверными, заметил одну странную особенность и, благодаря своему таланту, сумел ее использовать. Тогда, к концу Средних веков, драгоценные металлы очень неравномерно распределялись между Западом и Востоком. В христианском мире золото встречалось редко и ценилось дорого, поэтому монеты чеканили преимущественно из серебра. А в мусульманских странах все было совсем наоборот. Торговля между двумя этими экономическими сообществами влячила жалкое существование, и ничто не способствовало паритету денег. Жак Кёр сразу понял, как можно использовать подобное положение. Он платил арабам серебром, а христианам золотом и получал от столь незамысловатой операции стопроцентную прибыль.

Капиталист

Неудивительно, что Жак Кёр сумел накопить огромное богатство. Те деньги, а вернее золото, которое его корабли регулярно привозили с Леванта, он вкладывал в выздоравливающую Францию с азартом ребенка, играющего в монопольку. Не ограничиваясь приобретением замков и поместий, наподобие того, как теперь покупают большие магазины, он основал не только по всему Королевству, но также в Испании и Италии торговые конторы, руководимые «факторами», число которых ко времени суда над ним составляло около трех сотен. Кроме того, он вкладывал деньги в лионские копи и еще больше во флорентийские мастерские. Иначе говоря, Жак Кёр постоянно занимался капиталистической деятельностью.

Индейка

Среди завезенных Жаком Кёром во Францию редкостей была и индейка, которую называли тогда турецкой курицей.

*Cursus honorum*¹

Как оно всегда бывает, к богатству липнут и слава, и зависть. По крайней мере, в этом жизнь Жака Кёра не была исключением.

¹ Карьера (лат.)

Возвратившись в столицу, Карл VII за верную службу назначил его начальником парижского монетного двора, а еще через три года, в 1439-м, на чрезвычайно высокий пост королевского казначея, после чего он получил вскоре и другие должности: наместника в Лангедоке (1440), королевского советника (1442) и коменданта бесчисленного множества замков. Все эти почести, в совокупности с обязанностями придворного поставщика и полученной им около 1441 года грамотой на дворянство, сделали Жака Кёра одним из самых могущественных лиц Королевства и, соответственно, увеличили число его врагов.

Мастер на все руки

Тогда, в XV веке, власть и деньги все чаще шли рука об руку, и неудивительно, что в жизни казначея политические дела приобретали значительный вес. Да и сам король уже неоднократно имел возможность оценить дипломатические таланты Жака Кёра, которому он стал поручать деликатные миссии для разрешения политических трудностей там, где были вложены деньги самого казначея. Так его отправили послом в Геную, чтобы попытаться (это не удалось) привести к повиновению Джованни Кампо Фрегосо. Ездил он и в Рим требовать от имени короля Франции положить конец новому расколу на Западе и правлению антипапы Феликса V.

Казначей

Исполняемые Жаком Кёром обязанности казначея не имели ничего общего с деятельностью современного министра финансов. Эта должность соответствовала тогда должности управляющего королевским двором и заключалась в том, чтобы «смотреть за продовольственными припасами и кладовой тканей, обстановкой, деньгами и драгоценностями всякого рода, находящимися при дворе.

Колесо Фортуны

Это чудесное возвышение, этот невиданный во всем христианском мире успех не мог не вызвать против Жака Кёра множества разных враждебных чувств: озлобление самых знатных фамилий французской аристократии, чьи наследственные земли он выкупил (герцог де Бурбон, маршал де Кюлан, Эташ де Леви, Ла Тремуй); ненависть его бесчисленных должников, ожидавших с понятным нетерпением его падения; неблагодарность бюргеров Монпелье, которые, сначала превознося его до небес, затем воспылали к нему смертельной враждой за то, что он перевел часть своей торговли в Марсель, порт их соперников; наконец, зависть земляков, недовольных построенным им в родном городе слишком уж роскошным дворцом. Мало-помалу, неприметно для него самого, против Жака Кёра с клеветой, заговорами и интригами выступила целая армия тайных врагов.

Суд

«Какие бы напраслины на меня ни возводили, никто еще не был столь чист перед королем, как я», – так Жак Кёр в слепой уверенности писал жене накануне ареста. В апогее своего могущества этот человек, не знавший поражений, оказался последним из увидевших надвигающуюся на него катастрофу. Смерть Агнесы Сорель разбила сердце короля, а опала Пьера де Брезе лишила казначея самого верного союзника при дворе, и после этого судьба его была решена. Безутешный король попал под влияние новой клики, состоявшей из самых непримиримых врагов Жака Кёра – Жана де Леви, Антуана де Шабанна и Гийома Гуйе.

Суд тянулся два долгих года. Жака Кёра все это время перевозили из одной тюрьмы в другую: в Люзиньян, Майе, Тур и, наконец, в Пуатье. Учитывая высокое положение подсудимого, его судили равные ему чины и сам король. Обвинение в смерти Агнесы Сорель, придуманное с единственной целью ожесточить монарха, почти сразу отпало. Остались четыре-

надцать обвинительных статей и среди них: чеканка низкопробной монеты (несмотря на разрешительную грамоту 1429 года), поставка оружия неверным, вывоз драгоценных металлов в арабские страны и, самое главное, возвращение мусульманам

Христианский раб

В 1446 году некий христианский пленник сбежал от своего мусульманского господина и нашел убежище на борту одного из кораблей Жака Кёра, стоявшего в александрийском порту. Капитан его, Мишле Тейнтюрье, спрятал беглеца, привез в Монпелье и взял к себе в дом как слугу. Узнав об этом, Жак Кёр впал в неописуемый гнев. Если бы дело дошло до султана, он мог бы расторгнуть все торговые договоры. И безо всяких колебаний Жак Кёр отправил несчастного раба-христианина обратно к мусульманам. Этот поступок дорого обошелся ему на судебном процессе.

Большинство этих обвинений были справедливы лишь отчасти.

Приговор

Напрасно Жак старался оправдать себя, напрасно папа Николай V прислал посольство просить для него королевского милосердия, и уж подавно понапрасну его семья пыталась доказать, что он, как клирик, не подлежит королевскому суду. Колесо Фортуны уже повернулось против него. 29 мая 1453 года в люзиньянском замке канцлер Гийом Жувенель дез Юрсэн зачитал приговор. После «долгого и зрелого рассмотрения» Жак Кёр был признан виновным в «лихоимстве, обмане, незаконном вывозе драгоценных металлов и звонкой монеты, а посему и в оскорблении Величества». Но, принимая во внимание услуги, оказанные осужденным, а также «в уважение» к Его Святейшеству папе Карл VII избавил его от полагающейся по закону смертной казни. Жак Кёр был приговорен «к приличествующему покаянию перед королем в лице уполномоченной на то персоны, а именно стоя на коленях с непокрытой головой и спущенным до пояса оплечьем, держать в руках горящий восковой факел весом в десять фунтов». А также к конфискации всего имущества и содержанию в тюрьме до полной уплаты всех сумм, каковые признаны были украденными им. Это означало для несчастного пожизненное заключение.

Романтическая смерть

Было бы жаль, если бы жизнь такого человека окончилась бесцветно, в четырех стенах тюремной камеры. Но судьба определила этому великому бюргеру и окончить свои дни самым необычным образом. В октябре 1455 года, благодаря содействию нескольких священнослужителей, Жаку Кёру удалось бежать из тюрьмы. Через земли короля Рене он достиг Италии и нашел убежище у папы Каликста III, который замыслил тогда военную экспедицию на Родос для защиты острова от турок. Жак Кёр отправился туда с первым же кораблем в качестве генерал-капитана, но на острове Жиосе его ждала славная смерть, случившаяся 25 ноября 1456 года. Прежде чем отдать Богу душу, он успел написать Карлу VII письмо, в котором поручал королю своих детей.

Miles et mercator

Средневекового купца часто называли «Miles et mercator» – торговец и рыцарь.

В противоположность весьма распространенному мнению, занятие торговлей не было тогда несовместимо с дворянским достоинством. Многие фамилии старинного рыцарства, особенно на юге Франции и в итальянских городах, занимались коммерцией, которая считалась не только не унижительной, но стала одним из способов достижения дворянства. Людовик XI, основывавший всю свою политику на развитии городов, собирался даже ввести систему возведения купцов в дворянское звание. Однако эта мера была отвергнута Парла-

ментом. Уже в XVII веке Людовик XIV подтвердил, что дворяне могут безбоязненно заниматься торговлей, но продавать товар только большими партиями «в тюках и ящиках и не содержать лавок».

Ювелир

При Старом Порядке, а особенно в Средние века, если человек становился мастером цеха, это означало, что он входил в городскую аристократию. Некоторые профессии, например, мясная торговля, были особенно уважаемы. Ювелиры, так же как и кузнецы, получали дворянское достоинство, становились благородными и могли носить шпагу. Поэтому возведение Жака Кёра в дворянство было лишь признанием факта и распространением дворянских привилегий на его потомство.

Жак Кёр

Медичи (XIII–XVI века)

У этих торговцев пилюлями была душа принцев и меценатов... и они обанкротились!

Блистательные банкиры

Медичи, ставшие славой Флоренции и за несколько веков породнившиеся со всеми владетельными домами Европы, начинали свою карьеру довольно скромно. Они происходили из Мугелло, небольшой деревушки на севере Тосканы, и были сначала мелкими сельскими собственниками, а потом переехали в город, чтобы заняться торговлей.

С XIII века Медичи уже занимают достойное положение среди флорентийских бюргеров и обзаводятся тем гербом, который вскоре стал столь знаменитым и в описании которого значилось: «На золотом поле шесть шаров. Верхний лазурный с тремя золотыми лилиями, остальные пять червлёные».

Рыцари или аптекари?

Непревзойденные по роскоши

Филипп де Коммин писал: «Я полагаю, что Медичи обладают величайшим торговым домом, какой только бывал когда-либо в целом свете», что, впрочем, неверно, поскольку Барди, раскинувшие свои сети до самого Востока, уже в то время имели у себя большее число служащих. Только великолепие и роскошь ставили Медичи выше всех других.

Ученые, занимающиеся составлением родословных, за щедрое вознаграждение из всех сил старались доказать, что знаменитые флорентийские банкиры происходили от палатина Аверардо де Медичи, которого Карл Великий наградил своим оружием за освобождение страны от гиганта Мугелло. К этому, конечно, надо относиться с осторожностью, поскольку само существование сего палатина не более достоверно, чем существование гиганта Мугелло.

Самое распространенное мнение (но столь же бездоказательное) состоит в том, что Медичи происходили из медиков или, скорее всего, из аптекарей и что шары на их гербе изображают не что иное, как пилюли от кашля.

Сливки из левого горшка

Как бы ни объясняли происхождение шаров на гербе Медичи (по-итальянски *райе*), во внутренних раздорах города они стали символом сторонников этого рода. С давних пор связанные с политической жизнью Тосканы, Медичи постоянно выступали на стороне народной партии против богачей. Эта благородная, прогрессивная и бескорыстная политика (как теперь сказали бы, левая ориентация) всего за несколько лет сделала их самыми знатными и самыми богатыми патрициями во Флоренции.

Первыми из этого семейства, кто играл важную роль в политической жизни города, были Аверардо (или Эврар), гонфалоньер в 1314 году, и Сальвестро, тоже гонфалоньер, который возглавил народное восстание против семейства Альбицци и подвергся за это остракизму.

Было бы слишком долго даже вкратце описывать бесчисленные подвиги, совершенные семейством Медичи во славу Флоренции. Оно прославилось и в военных походах, и в политических столкновениях и всегда было первым там, где решались не только их собственные дела, но и дела города. В конце концов, Медичи как-то незаметно перестали отличать одно от другого.

Очень рано расширив поле деятельности своего банка на всю Европу посредством целой сети торговых контор, они сделались самыми известными среди того нового класса капиталистов, который уже начинал брать верх над прежним бюргерским патрицианством.

Престиж громадного состояния Медичи и отношения, которые они поддерживали с остальным миром, весьма облегчили им захват власти во Флоренции.

Первый холдинг

Продолжая выступать в качестве защитников народа от патрициев, эти космополитические банкиры после некоторого времени, проведенного в изгнании, в конце концов встали во главе Синьории.

В 1421 году Джованни Медичи по прозвищу ди Биччи занял должность гонфалоньера. Этот проникательный и ловкий политик сумел, исправив городской кадастр, оказаться полезным своим землякам, не забывая, впрочем, и о собственных доходах. Именно он организовал сеть банков, которые положили основание могуществу его рода.

Деятельность Медичи существенно отличалась от того, чем занимались Перуцци, Барди и прочие Фрескобальди, поскольку с юридической точки зрения у них не было единой «компании». Они владели множеством мелких, теоретически независимых компаний, со своими особыми бухгалтерскими книгами и собственным капиталом. Во главе этих «филиалов», разбросанных по всей Европе, стояли управляющие, избранные из акционеров, не принадлежащих к партии большинства. Эти первые генеральные директора не получали твердых окладов, их доход зависел от прибыли банка. Сами Медичи, считавшиеся «главными компаньонами», владели более чем 50 % акций, и поэтому их семейство всегда оставалось полновластным хозяином гигантского, но в то же время чрезвычайно гибкого предприятия.

Структурная схема компании Медичи

около 1458 года

Глава фирмы Косма Старший IV

Генеральный директор Джованни Америго Бенчи Ф

Шелковая мануфактура во Флоренции

Суконная мануфактура во Флоренции

Городской банк во Флоренции

Международный банк (главная контора во Флоренции) и международная торговля

Компании

Филиалы в заальпийских странах:

Женева

Брюгге

Лондон

Авиньон

Филиалы в Италии:

Милан

Венеция

Пиза

Рим

Банк

Папское налоговое

Агентство

Торговля

Упрочение династии

Из всех достижений Джованни ди Биччи не самым последним было то, что он оставил после себя двух сыновей, еще более умных, чем он сам. Козимо и Лоренце стали воистину создателями величия семейства Медичи. Благодаря им потомки аптекарей из Мугелло сделались знатнейшими людьми в Европе.

Козимо, или, как его называли, Косма Старший, был предком Лоренцо Великолепного, герцогов Немурских и Урбинских, пап Льва X и Клемента VII, Александра, герцога Флорентийского и королевы Франции Екатерины Медичи.

Что касается самого Лоренцо, то среди его потомков было несколько великих герцогов Тосканских и французская королева Мария Медичи.

Диктатор-республиканец

Косма Старший (1389–1464) после смерти своего отца стал руководить всеми делами семьи. Альбицци, чью патрицианскую власть он пытался уничтожить, изгнали его из города, но в 1432 году он с триумфом возвратился и, сохраняя республиканскую форму правления, на деле установил свою собственную диктатуру. Не соглашаясь сам занимать какие-либо официальные должности, он всегда устраивал так, чтобы у власти оказывались преданные ему люди. Таким образом, руки у него оставались свободными, и он мог осыпать сограждан благами, а следовательно, поддерживать свою популярность. Окруженный ореолом имени «Отца Отечества», Косма стал одним из великих государей эпохи Возрождения и был первым в череде великих меценатов семейства Медичи.

Именно он, удвоив доставшееся ему состояние, направил свои усилия на то, чтобы сделать Флоренцию самой престижной лабораторией Возрождения. Он призвал архитекторов и художников – Брунеллески, Микелоццо, Донателло, Филиппе Липпи, Беноццо Гоццолли. Он окружил себя учеными-гуманистами, такими как Бруни и Марсилио Фичино, которого поставил во главе созданной им флорентийской Платоновской Академии.

Тиран-гуманист

Внук Космы Старшего, Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, был, возможно, самым прославленным из всех государей Возрождения. Наследовав в 1469 году своему отцу Пьеро-Подагрику, он получил титул «князь Государства», что придавало некоторую законность власти семейства Медичи над Синьорией, которая, однако, утвердилась не без некоторых затруднений. Патриции во главе с Пацци, поддержанные папой Сикстом IV, составили заговор против тирании Медичи, который окончился неудачей, но в кафедральном соборе был убит брат Лоренцо Джулиано. После его гибели на Лоренцо ополчились объединившиеся Неаполь и Сиена, сопротивление которым было бы безнадежно неравным, не удайся ему чудесным образом избежать надвинувшейся опасности благодаря набегу турок, смешавших все планы его врагов. Это испытание только возвысило Лоренцо в глазах флорентийцев, и с того дня он уже прочно утвердил власть Медичи.

Принц поэтов и художников

Теперь по примеру своего деда он мог посвятить все свои богатства поощрению искусств, покровительству литературы и наук. Превратив Флоренцию в гигантскую художественную галерею, он лучше, чем кто-либо другой, воплотил в себе идеал государя эпохи Возрождения. Просвещенный любитель искусств и щедрый гуманист, Лоренцо более заботился о меценатстве, нежели о торговле и финансах, и, встав на путь непомерных трат, он неизбежно должен был привести все семейство к разорению. Но более всего Лоренцо Великолепный стремился к политической власти, и, конечно же, его нельзя было считать капиталистом. Пренебрегая финансовым могуществом и торговлей, он вложил почти все свое состояние в земли и поместья. Хотя и рожденный для того, чтобы возглавить торговую импе-

рию, Лоренцо тем не менее по своему мировоззрению принадлежал к средневековому обществу, остававшемуся строго иерархическим и сохранившему феодальные порядки и рыцарские идеалы. Капитализм, гениальными предшественниками которого были его предки, находился лишь в стадии зарождения. По представлениям Лоренцо Медичи, суверенная династия явилась естественным завершением восхождения к власти.

Банкир-поэт

Кроме того, что он был меценатом и политиком, Лоренцо Великолепный еще и сочинял стихи. Его произведения, отличающиеся чистотой стиля и изяществом, были опубликованы в 1626 году великим герцогом Леопольдом II.

Банкротство

Страсть Лоренцо к гуманитарным наукам и литературе повлекла за собой быстрый упадок Компании. Один за другим закрывались филиалы: 1469 год – венецианский, 1478 год – в Лондоне и Брюгге, 1494 год – миланский.

Величие и упадок

Желая играть в принцев, Медичи заставили Фортуна повернуться вспять, и эта до сего времени улыбавшаяся им богиня начала строить гримасы. В 1494 году по прибытии Карла VIII флорентийцы восстали против своих властителей и заставили Пьеро, сына Лоренцо Великолепного, покинуть город, так что находившийся во Флоренции банк был сразу же обезглавлен. Финансовая карьера Медичи окончилась, и с этого дня с ними уже могли считаться не более, чем с обычными владельческими особами. Первенство перешло к Франции, к европейским меценатам и римским первосвященникам. Несколько раз Медичи удавалось вновь утвердиться в своем городе, но никогда им уже было не стать денежной династией, подобной тем, которые появились после них лишь в XIX веке. На вершине своего могущества они избрали роль государей, чья власть была выше или по крайней мере наравне с властью денег.

Фуггеры (XIV–XVI века)

Фуггеры были промежуточным звеном между Медичи и Ротшильдами. Из купцов они стали банкирами королей и принцев, а потом и сами превратились в принцев

Суконщики, основавшие мультинациональную фирму

В противоположность Жаку Кёру, чья деятельность протекала главным образом внутри Французского Королевства, семейство Фуггеров явилось настоящей династией, претендовавшей на международную роль.

Первый из известных ее создателей, Ганс Фуггер, был простым ткачом из деревни Грабен неподалеку от Аугсбурга. В 1370 году его сын, тоже Ганс, благодаря женитьбе на Кларе Видольф, стал гражданином этого города, который впоследствии он сам и его потомки сделали одним из значительнейших финансовых центров Европы. Овдовев, Ганс II поспешил соединить свою судьбу с Элизабет Гфаттерманн, дочерью влиятельного советника, что позволило ему продолжить восхождение по социальной лестнице, и вскоре он возглавил игравшую большую роль в городе корпорацию ткачей.

От мануфактуры к торговле

Ганс II Фуггер стал истинным основателем семейного богатства благодаря торговле пряностями, шелками и сукнами. Его сыновья Андреас и Якоб начали заниматься делами отца сразу же, как только научились пересчитывать золотые монеты и составлять векселя. От них пошли две семейные ветви, которые отличались друг от друга своими гербами. Андреас (1388–1457) стал главой ветви, называвшейся «Козьи Фуггеры». В 1452 году он получил дворянство и основал процветающие заведения в Антверпене и Венеции. Из двух братьев он, по всей видимости, был самым одаренным и энергичным. К несчастью, его потомство пресеклось в следующем поколении, разорившись на слишком рискованных кредитах.

От младшего брата Якоба происходила ветвь «Фуггеры Лилии», ставшая в некоторой степени для эпохи Возрождения тем, чем были Ротшильды для XIX века.

Гербы

У «Козьих Фуггеров» – золотая лань на лазурном поле. У «Фуггеров Лилии» – две золотые лилии тоже на лазурном поле.

Якоб I основывает империю

Первым из великих Фуггеров был Якоб I, который основал в Аугсбурге свои ткацкие мастерские и кроме того занялся разработкой богатейших месторождений в Тироле. Из семи его сыновей трое активно увеличивали семейное богатство: Ульрих (1441–1510), занимавшийся торговлей; Георг (1453–1506), чьи сыновья Раймунд и Антон стали продолжателями рода, и особенно Якоб II (1456–1525), по прозвищу Богач, благодаря которому семейство Фуггеров получило международное признание и добилось политической власти.

Якоб II Богач

Будучи человеком набожным, Якоб несколько лет пробыл в духовном звании, однако со временем он все же поддавался искушениям сего грешного мира и занял при своем брате Ульрихе то место, которое полагалось ему по семейной иерархии.

Индюльгенции

Одним из источников обогащения Фуггеров был денежный сбор с индульгенций. Кроме того, они держали на откупе чеканку ватиканской монеты.

Графы Священной Римской Империи

После Сейма 1530 года император Карл V останавливался в доме Антона и Раймунда Фуггеров и именно тогда возвел их в достоинство имперских графов.

Поместья

В 1507 году Якоб II одолжил Максимилиану Австрийскому 70 000 флоринов и в качестве залога получил владения Вайсенхорн, Мартеттен и графство Кирхберг, которые долгое время оставались в семействе Фуггеров. В 1519 году Фуггеры предоставили заем на сумму 544 000 флоринов, необходимых для избрания будущего императора Карла V.

Отказавшись от торговли пряностями, уже испытывавшей в эпоху Возрождения сильную конкуренцию, он решительно повернулся к горному делу и организовал в небывалых еще масштабах разработку венгерских залежей серебра и меди. Эта промышленность, сочетаясь с торговлей в Индиях и банковским делом, которое он развернул по всей Европе, позволила придать семейному предприятию воистину международное значение.

Банкир князей и пап

В 1519 году Фуггеры, связанные с августейшим домом Габсбургов многими привилегиями, поддержали кандидатуру Карла V на императорский престол. Якоб заплатил электорам 544 000 флоринов, не считая векселей, подлежащих оплате после выборов. И он сумел с величайшей ловкостью возместить свои щедрые расходы, не прося даже у самого кандидата никакой формальной гарантии. В благодарность за это могущественнейший суверен Европы пожаловал ему среди множества прочих милостей откупы с обширнейших владений, которые принадлежали в Испании рыцарским орденам Калатрава и Алькантара, аренду алмаденских ртутных копей и разработку серебряных залежей на Гвадалквивире.

Фуггеры, как международные экономические магнаты, финансисты императоров Фердинанда и Карла, были, вполне естественно, и папскими банкирами. Папы поручали им собирать налоги в Центральной Европе и обращались за денежной помощью при строительстве собора Св. Петра в Риме. Подобные дела лишь увеличивали политическое влияние рода, предприятия которого были разбросаны от Лиссабона до Кракова, от Рима до Антверпена и от Средиземного моря до Балтики.

Мультинациональная фирма

(Фирма Фуггеров к 1525 году).

Фактории: Антверпен, Кёльн, Франкфурт, Майнц, Нюрнберг, Хохенкирхен, Лейпциг, Аугсбург, Хал, Инсбрук, Данциг, Бреслау, Краков, Вена, Будапешт, Больцано, Милан, Венеция, Рим, Неаполь, Мадрид, Севилья, Лиссабон.

Представительства: Амстердам, Страсбург, Любек, Гамбург, Люнебург, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Регенсбург, Познань, Торунь, Пресбург, Чеслау.

Копи: Тайа (Тпауа), Гаштейн, Байя Маре (Фрауензайфен).

Копи и фактории: Швац, Банска-Бистрица

Принцы Ренессанса

Фуггеры отнюдь не довольствовались ролью предшественников капитализма по-американски, они были еще и настоящими принцами эпохи Возрождения, то есть страстными меценатами, покровительствовавшими искусствам и изящной словесности, не забывавшими при этом и о благотворительности.

Их аугсбургский дом, окруженный роскошными садами, сосредоточил в себе кроме фресок Альтдорфера все книжные раритеты, все произведения искусства, все драгоценные предметы, какие только можно было отыскать тогда в «кабинете редкостей» просвещенного человека.

Будучи ревностными католиками, они финансировали войны с протестантами и отдавали значительные суммы на помощь бедным. Самым ярким примером этого служит постройка в одном из пригородов Аугсбурга целого квартала, где было не менее ста шести жилищ для обездоленных.

Банкиры Габсбургов

В 1563 году активы банка Фуггеров оценивались в 5.661.493 флорина, из них 4 445 135 флоринов составляли кредиты дому Габсбургов.

Обоюдострая милость

После смерти Якоба II бразды правления взял в свои руки его племянник, сын Георга Антон. По примеру дяди, он помогал дому Габсбургов в политических делах. За денежное содействие при избрании Фердинанда I Королем римлян он и его брат Раймунд были возведены в достоинство графов Священной Римской Империи, да еще в придачу Антон получил завидную для его положения привилегию чеканить монету. Однако тот же Австрийский Дом, послуживший Фуггерам источником богатств, немало способствовал и их разорению. Габсбурги все чаще стали требовать увеличения кредитов, и Антону вместе с братом пришлось прибегать к чрезмерным займам, которые им всегда с большой охотой предоставляли антверпенские банкиры. Ряд банкротств испанской монархии, хотя и не столь крупных, но следовавших одно за другим, привели в конце концов Фуггеров к разорению.

Вытесненные с финансового рынка гентскими купцами, Фуггеры стали быстро терять свой вес. Окончательно разорился банк Фуггеров в 1607 году.

Семейство Вельзер

Эти первопроходцы капитализма, обосновавшиеся в Аугсбурге и Нюрнберге, занимались, как и их земляки Фуггеры, одновременно и банковскими операциями, и коммерцией (английская шерсть, бумага из Южной Германии, саксонское серебро, фламандские сукна, пряности и т. п.). Они торговали шафраном с Италией, участвовали в колонизации Южной Америки и португальских экспедициях в Ост-Индию (1505 год), благодаря чему заняли ведущее положение в торговле перцем. Их интересовали оловянные и серебряные рудники Богемии, они обосновались во всех финансовых центрах Европы и, накопив гигантское состояние, стали банкирами нескольких монархов. В 1519 году Вельзеры истратили на выборах Карла V 143 333 флорина.

Как и многие купцы-банкиры эпохи Возрождения, они не избежали искушения освободиться от своего статуса финансистов и сделаться «обыкновенными» большими вельможами, почитая самым верным средством для этого союз какой-нибудь из своих дочерей с сыном императора Фердинанда I. Как и Фуггеры, они стали жертвой ряда банкротств испанской монархии. В 1614 году Матиас Вельзер объявил себя несостоятельным.

Никола Фуке (1615–1680)

Фуке был так же вороват, как и многие министры его времени, однако он не хотел знать свое место

Человек, который набросил тень на солнце

Когда 9 марта 1661 года для Мазарини пришел срок навсегда уйти из этого мира, богатств которого он жаждал с таким излившемся, его духовник, аскетический и строгий монах, хорошо знавший все мерзости, совершенные кардиналом, без обиняков сказал ему: «Ваше Преосвященство, пора отдать все несправедливо приобретенное». Уже и так искаженное страданием лицо Мазарини перекопилось еще больше. «Мне все дал король», – пробормотал он, словно оправдываясь. Но духовник настаивал: «Надо различать пожалованное Его Величеством Вашему Преосвященству от того, что вы взяли себе сами». Умиравший задумался на минуту, потом сделал последнее усилие и вперемежку с икотой выдохнул признание: «Увы! Тогда мне придется отдать все». И добавил к этому совсем неожиданное: «Надобно еще посоветовать королю избавиться от господина Фуке».

Мазарини

Кардинал, как и Фуке, любил роскошь и великолепие. Венсенский замок, где он скончался, был наполнен художественными коллекциями. «И я должен расстаться со всем этим!» – наверно, воскликнул он, прежде чем отдать Богу душу.

Король намерен упорядочить дела.

Людовик XIV не был свидетелем этой сцены. Он прогуливался по коридору, ожидая, когда ему сообщат о смерти министра. Суеверия того времени не позволяли королю находиться вблизи умирающего. Впрочем, нет никакого сомнения, что духовник поспешил сообщить молодому монарху о последнем совете его драгоценного слуги, который, не будучи отнюдь образцом порядочности, тем не менее был одним из величайших государственных мужей Франции.

Может быть, именно тогда у короля и зародилась мысль положить конец молниеносной карьере и «непомерным амбициям» суперинтенданта финансов. Но, конечно, об этом мы никогда не узнаем. Уже давно под влиянием Кольбера за кулисами власти образовалась деятельная клика, добивавшаяся падения Фуке. Однако время еще не наступило, Людовик, похоже, ничуть не верил сплетням о лихоимстве своего суперинтенданта. После того как не стало кардинала, Его Величество уведомил всех министров, что намерен теперь самолично управлять государством, и отныне они обязаны давать ему отчет в порученных им делах. То ли из осторожности, то ли сохраняя еще доверие к Фуке, молодой король оставил его при исполняемой должности.

Карьера сверходаренного

Историкам-романтикам очень хотелось наделить Фуке, как и Жака Кёра, простонародным происхождением. Почему-то для героев Фортуны считается более почетным, если они возносятся из полного ничтожества. На самом же деле, хотя Фуке и не унаследовал от родителей знатного имени, но тем не менее принадлежал он к хорошему бюргерскому роду, незадолго до его рождения получившему дворянское достоинство. Никола был сыном Франсуа Фуке, виконта де Во, ординарного советника короля Людовика XIII, и «Благородной Дамы» Марии де Мопё. К тому же отец и мать оставили ему недурное состояние. Вся жизнь суперинтенданта вплоть до рокового 1661 года была одной непрерывной чередой успехов и

почестей. Завершив изучение права, он начал свою карьеру в качестве адвоката парижского Парламента. Затем, едва достигнув двадцати лет, купил себе весьма дорогое место советника. Благодаря выгодной женитьбе на Марии Фуршье (эта дульцинея принесла ему в приданое 160 тысяч ливров) он унаследовал от своего тестя должность докладчика в Государственном Совете, потом на него обратил внимание и приблизил к себе кардинал Мазарини. Это было идеальное начало для восхождения наверх. Шаг за шагом он получает назначения: интенданта провинции, интенданта Парижского финансового округа, прокурора кассационного суда в столичном Парламенте. Эта последняя должность дала ему счастливую возможность во время Фронды обратить на себя внимание партии короля.

Своей верностью, искренностью которой не вызывает сомнения, он заслужил благодарность Мазарини, и в награду за оказанные им услуги кардинал получил для него от регентши место суперинтенданта финансов и звание государственного министра.

Луи Фуке

Одному из внуков суперинтенданта выпала славная судьба. Это был Луи Фуке, маркиз де Бель-Иль, родившийся в 1634 году в Вильфранш-де-Руэрг. Он поступил на военную службу и отличился во время войны с Австрией. Занимал пост военного министра и был маршалом Франции. Умер в 1761 году.

Нравы эпохи

В такие времена, как наши, когда скандальная пресса напропалую пользуется самыми грязными слухами, когда бесстыдно пачкают репутацию государственного деятеля по любому ничтожному поводу, трудно представить себе то лихоимство, которое при начале царствования Людовика XIV было во французской политике обыкновеннейшим делом. Всеобщее взяточничество поощрялось всей фискальной системой, бывшей одним из самых темных пятен Старого Порядка. Вместо того чтобы собирать налоги сразу через королевских чиновников, их «закрепляли» за частными лицами, получая от них авансом заранее оговоренные суммы. Налоговый откуп выставлялся на торги и, по обычаю, тот, кто выигрывал аукцион, подносил министру «благодарность» или же назначал ему годовую пенсию до конца аренды.

Фуке был бы святым, чего, конечно, и в помине не было, если бы пренебрег этой малопочтенной торговлей, но относился он к ней как к делу общепринятому и практиковавшемуся всеми министрами до него, начиная с самого Мазарини. Главный его грех был, однако, в том, что занимался он этим слишком открыто, пренебрегая общепринятыми мерами предосторожности. В самих же способах обогащения Фуке не только ничем не уступал своему господину, кардиналу Мазарини, но умел находить для этого новые возможности. К примеру, он спекулировал на бесчисленных государственных займах, цена которых вследствие опустошения казны приближалась к нулю. Перепродавая их через подставных лиц, он обогащался хотя и скандальным, но законным способом. Для этого на облигациях нужна была лишь его подпись как суперинтенданта, что гарантировало их незамедлительную оплату звонкой и полновесной монетой (конечно, он брал за это хорошие деньги).

Никола Фуке

Кроме того, чтобы покрыть расходы постоянно нуждавшегося государства, Фуке часто одалживал королю крупные суммы, которые щедро вынимал из собственного кармана. Из этих ссуд, хотя у Людовика XIV не было ни желания, ни средств возвращать их, Фуке извлекал двойную выгоду. Во-первых, они делали еще более неопределенной границу между его личными деньгами и государственными финансами, а во-вторых, как ему казалось, упрочивали его положение доверенного лица при монархе.

Фуке строит свою империю

Деньги, реками стекавшие в его кассы, суперинтендант тратил с невероятной расточительностью. Фуке безумно любил роскошь, почести и блеск. Пользуясь человеческой жадностью, он скупил одну за другой должности: великого раздатчика королевской милостыни, советника Ратуши, секретаря чрезвычайных комиссий Государственного Совета и самую завидную из всех – канцлера королевских орденов. По наущению Мазарини и за скромную сумму в миллион триста тысяч ливров он стал владельцем Бель-Иля, где возвел порттовые укрепления. Намереваясь в будущем развивать торговлю с Индиями, Фуке построил великолепный флот, которому, однако, так и не довелось выйти в море.

Во всем нужна мера

Роскошь праздника особенно блистала во время обеда, который был сотворен непревзойденным Вателем и подавался на сервизе, насчитывающем не менее тридцати шести дюжин золотых тарелок и пятисот дюжин серебряных. Король обратил внимание на одну сахарницу: «Какая великолепная позолота!» – воскликнул он. На этот комплимент суперинтендант с гордостью возразил: «Это не позолота, государь. Это чистое золото».

Безумие величия

В 1661 году, когда суперинтендант достиг апогея своей карьеры, он владел гигантской недвижимой собственностью. Все его жилища демонстрировали непомерную, даже оскорбительную роскошь, которая немало способствовала его опале. Кроме величественного дворца на улице Сент-Оноре, ему принадлежали в столице пять больших доходных домов и зал для игры в мяч на улице Гранд-Опостен. Фуке имел загородные дома в Монтрёйе, куда он часто приезжал, и в Сен-Мандэ, об украшении которого постоянно заботился.

Наконец, в парижском округе он унаследовал от отца два виконтства и не упустил расширить их за счет новых земель в Мелёне и особенно в Во, где он построил замок «Тысячи и одной ночи». Наши современники могут видеть его воссозданное великолепие.

Однодневное солнце

«Quo non ascedam?» («Куда не поднимусь я?») – такой девиз можно прочесть под белой, изображенной на гербе рода Фуке. Этими говорящими гербами суперинтендант украшал в виде росписей, гравюр и барельефов все стены своего замка. Именно такой девиз принадлежал человеку, уверенному в себе и своем будущем.

В этот день, 16 августа 1661 года, виконт де Во, сгорая от нетерпения, ожидал к себе короля со всем двором. Если у Фуке не было недостатка в амбициях, то чувства меры ему явно не доставало, и, сподобившись этой величайшей милости, он надеялся поразить своего августейшего гостя. Он приготовил роскошный праздник у себя во дворце, построенном за безумные деньги, где трудились молодые таланты, которых Людовик XIV, как человек со вкусом, вскоре оценил по достоинству. Парк разбивал Лекотр, дворец возвел Лево, фонтаны устроил Торелли, а на стенах висели картины Лебрена. Для прочих развлечений монсеньер суперинтендант призвал некоего Жана Батиста Поклена, называвшего себя господином де Мольером. В зеленом театре с хитроумными механизмами приготовились играть «Докучливых»; здесь были и фавны, и вакханки, и балерины, и ракеты, и олицетворение Нимфы – госпожа Бежар, выходящая из раковины. Ночь в Во обещала стать самым лучшим представлением века и освятить триумф владельца этих мест, который не постеснялся предложить Леброну нанести свой портрет на изображение солнца, украшавшее плафон зала. Солнце, им самим избранное в качестве символа!

Похвала празднеству

Лафонтен оставил нам восторженное описание ночного празднества в Во, которое частью стихами, частью прозой он послал 22 августа 1661 года своему другу – господину де Мокруа. Приведем оттуда в качестве образца одну цитату: «Нимфы Во не отводили от короля глаз; их всех покорила доброта его лица, если позволительно употребить такое выражение по отношению к столь великому государю».

Заговор

Фуке был тем более уверен в милости короля, что его совсем недавно вновь утвердили суперинтендантом, да к тому же он еще и одолжил Его Величеству на государственные нужды миллион золотых, которые получил от продажи своего места генерального прокурора. Ослепленный успехами, он совсем не замечал, как сплетается против него интрига, особенно после смерти кардинала Мазарини.

Кольбер, в гербе которого красовался уж, являл собой необычайную для того времени фигуру неподкупного министра, но, в соответствии со своим гербом, был человеком изворотливым, злым и мстительным. Он боялся разоблачить злоупотребления Мазарини, опасаясь за свою карьеру, и всю сведавшую его ненависть к стоявшим у власти нечестным людям перенес на суперинтенданта. Состоя, благодаря заботам кардинала, под начальством Фуке, он уже давно считал его своим личным врагом и решился непременно погубить.

Кольбер сделал это со всем коварством и со всей осторожностью, которые присущи змее. Он нашептал о тех подозрениях, которые должно вызывать у молодого короля богатство его министра, и тут же напомнил предсмертный совет Мазарини. Он действовал столь искусно, что в голове монарха поселилось подозрение. Неловкости, совершенные Фуке, лишь довершили дело.

Затемнение солнца

Как могло случиться, что столь проницательный человек не осознавал риска, на который он идет, показывая такому тщеславному государю, как Людовик XIV, дворец, рядом с которым королевские резиденции выглядели жалкими лачугами? По какому ослеплению не заметил он едва скрываемое монаршее раздражение? Несомненно, дары Фортуны затмили рассудок суперинтенданта.

Конечно, пока длился праздник, король старался сохранять хорошую мину. И его вопросы, и то, как он отвечал сам, казалось, свидетельствовали не только об уважении, но даже о восхищении. Уезжая, он благодарил хозяина с поистине королевской вежливостью. И правда, ночь в Во была блистательна... Столь блистательна, что у самого короля Франции никогда бы не нашлось средств устроить подобное празднество.

Пока карета увозила Людовика в Фонтенбло, он не мог подавить растущее раздражение. «Его надо было тут же арестовать, – сказал он своей матери и прибавил: – Придет время, и я покажу всем этим людям их место». Но у Анны Австрийской мысль об аресте суперинтенданта вызвала серьезное беспокойство. Все обстояло не так просто, как может показаться сегодня. Фуке имел не только врагов, но и преданных ему клиентов. Кроме того, он владел Бель-Илем – настоящей крепостью, где можно было укрыться и в случае надобности обороняться от всей королевской армии. Еще хорошо помнили Фронду, и, хотя монархия, благодаря стараниям Мазарини, стала намного сильнее, все-таки она еще оставалась достаточно уязвимой. Поэтому осторожный Людовик XIV предпочел дожидаться удобного случая.

Лафонтен

Среди тех редких друзей, которые не оставили суперинтенданта в беде, следует особенно упомянуть Лафонтена. Будучи первоначально его протеже, он оставался другом Фуке, и в год ареста своего покровителя и его переселения в Пиньероль осмелился сочинить «Оду к нимфам Во».

Падение

На сентябрьском собрании сословий Бретани в Нанте такой случай наконец представился. В понедельник 5-го числа после заседания Совета король наедине разговаривал с суперинтендантом. Несомненно, речь шла о Кольбере, опалы которого, конечно, желал Фуке, и по окончании разговора белка уже возомнила, будто с ужом покончено. Фуке и представить себе не мог, что в тот самый момент, когда монарх еще раз выказывал ему свое доверие, кавалер д'Артаньян уже ехал с приказом отвезти его в тюрьму. Никола Фуке был арестован в карете возле нантского собора, когда он направлялся во дворец де Руже. «Тут какая-то ошибка, – закричал он знаменитому мушкетеру, – ведь я суперинтендант финансов». Д'Артаньян ответил ему: «Монсеньор, Его Величество приказал мне доставить в Венсенский замок именно суперинтенданта финансов». И оцепеневший Фуке, с остановившимся взором, бормоча: «Это невозможно, я у короля на самом лучшем счету... это просто смешно», – дал себя увезти.

Козел отпущения

На процессе Фуке не было той полной беспристрастности, которая является непременным условием истинного правосудия. Его враги, и прежде всего Кольбер, спешили покончить с ним, и никто не был заинтересован, чтобы он раскрыл всю правду. Главная статья обвинения заключалась в расхищении общественных денег, и только одно это могло повлечь высшую меру наказания. По второй и не менее серьезной, чем первая, статье ему вменялся заговор против королевской власти. Во время обыска его дома в Сен-Мандэ действительно был найден «план обороны», подготовленный обвиняемым на случай, если ему придется

искать убежища в Бель-Иле. Это составляло уже государственную измену и также могло привести прямехонько на эшафот.

Чувствуя угрозу своей жизни, Фуке отчаянно защищался. Чтобы оправдаться, он вновь обрел красноречие своей прежней прокурорской должности. «Конечно, – признавался он, – я, пожалуй, чересчур любил роскошь (было бы бессмысленно отрицать это), но посмотрите мои счетные книги и вы убедитесь, что я не только не обогатился на королевской службе, но, напротив, пришел к полному разорению. Неоднократно я субсидировал Его Величество значительными суммами, используя для получения оных свой собственный кредит. В настоящее время все мое имущество обременено долгами. Что касается плана обороны, то он появился в минуту помутнения рассудка, подверженного горячечной болезни. Я не имел ни малейшего намерения использовать его против короля».

Узник Пиньероля

Похоже, что Фуке умело защищался, ибо даже несправедливые судьи сняли обвинение в государственной измене. Не нашлось ни малейших следов хоть каких-то действий, направленных на осуществление этого пресловутого «плана обороны». Зато по наущению Кольбера судьи не удовлетворили настоятельную просьбу обвиняемого о проверке его счетных книг. В конце концов, они вынесли Фуке сравнительно легкий приговор – ссылка и конфискация всего имущества.

Однако король считал такое решение не соответствующим нанесенной ему обиде и, случай для нас невероятный, воспользовался вместо своего права помилования властью уже сточить приговор. Он заменил ссылку на пожизненное заключение.

Суд длился три года. В декабре 1664 года д'Артаньян со своей ротой мушкетеров отвез преступника в Пиньероль – крепость, затерянную среди гор Пьемонта. Забытый всеми, Фуке умер там 23 марта 1680 года. На следующий год оставшиеся после него вещи были переданы Марии Магдалине де Кастиль, его второй жене. Верная своему супружескому долгу, она перевезла Никола Фуке, виконта де Во и суперинтенданта финансов, в последнюю его обитель – довольно скромный родовой склеп в часовне Сен-Мари, что на улице Сент-Антуан.

Мудрая предосторожность

Несомненно более предусмотрительная, чем ее муж, Мария Магдалина де Кастиль за некоторое время до празднества в Во потребовала раздела имущества. Эта мудрая предосторожность позволила избежать нищеты, на которую ее в противном случае, несомненно, обрекла бы опала супруга. Вильфранш-де-Руэрг послужил убежищем для нее, детей и све крови. Все семейство вело там достойный образ жизни и заслужило уважение тамошних жителей.

Миллиардер без гроша

Долгое время само имя Никола Фуке оставалось в истории Франции синонимом лихоимства и беззакония. После немилости столь самовластного монарха, как Людовик XIV, лишь очень немногие, подобно Лафонтену, осмеливались публично высказывать Фуке свое сочувствие. Король-Солнце объявил его преступником, и в тот Великий Век было дурным тоном иметь какие-то другие мнения.

Дело Никола Фуке стало историей. И оно оставалось бы окончательно закрытым, если бы не последние (лет двадцать назад) исследования профессора Военно-морской школы Даниеля Дессера, которые принесли некоторые неожиданности. Этот историк, получивший докторскую степень за труд о финансах в царствование Людовика XIV, провел тщательный анализ бухгалтерских книг нашего суперинтенданта и, благодаря своему каторжному труду, установил, каким же на самом деле было его состояние. Он понял, почему Фуке так настаи-

вал на проверке счетных книг и почему Кольбер с таким жаром противился этому. Конечно, суперинтендант, как, впрочем, и все другие, предавался лихоимству и растратам, но что касается «вызывающего богатства», ставшего главным основанием обвинения, то его не было и в помине. Сделанные им долги (часто для субсидирования короны) оказались столь велики и многочисленны, что пассив далеко превосходил все активы. Беспристрастная проверка счетов, безусловно, оправдала бы его.

Так, значит, Фуке был невиновен? Подобное утверждение оказалось бы чрезмерным преувеличением. Справедливее назвать его козлом отпущения: Людовик XIV хотел упорядочить финансы и исправить нравы государственных деятелей. Ему нужен был пример. Мазарини, в тысячу раз более повинный в лихоимстве, уже переселился к праотцам, да и вряд ли король пошел бы на то, чтобы разоблачить министра, которому он был обязан своим тронem. И Никола Фуке заплатил по чужим и своим счетам.

Европа: хорошие дела, хороший навар

Недоверие, которое тяготеет в старой Европе и особенно во Франции над богатством, и порождает присущий только нам стиль жизни миллиардеров. Чтобы не обострять зависти, лелеемой профсоюзами на протяжении десятилетий, богатые, несмотря на весь свой престиж, должны блистать добродетельной скромностью и никогда не нарушать неуместными выходками правила этикета. Крикливые эксцентричности американских набобов, эти самодовольные демонстрации своих долларов и роскоши самого дурного тона забавляют французскую публику только потому, что для нее это лишь театральное представление, разыгрываемое в далеком и мифическом Эльдorado. Но она не потерпела бы ничего подобного у себя дома. Миллиардер Старого Света обязан считаться с прошлым, быть составной частью того общества, которое сохранило в большей степени, чем кажется, свои ценности аристократического хорошего вкуса. В отношении же манер у нас даже низы общества проявляют известную утонченность, презирая нуворишей и относясь чуть ли не с обожанием к принцам крови, если они находятся на своем месте.

Сколь бы ни были велики богатства монархов прошлого, не они определяли их авторитет. Щедрость Медичи имела общественный смысл. Ни в каком случае они не могли быть просто собственниками: пожертвования на церкви, бедных, дары городу, покровительство литературе и наукам были для них государственным служением, моральной, политической и экономической обязанностью в отношении всего общества. Богатство оправдывалось лишь при условии, что оно служит всем.

Французская Революция провозгласила частную собственность неотъемлемым правом (как и было записано в Декларации прав человека), с которым связывались понятия *utilisation*, *l'élimination*, *le bénéfice*², что придавало деньгам определенного рода независимость от общества. Собственность освобождалась от всех моральных обязательств и вообще от любых ограничений. Она уже не связана никаким долгом, который мог бы мешать наслаждаться ее плодами или ставить предел ее увеличению. Канули в прошлое такие обычаи, как обязанность феодального сеньора защищать и оказывать покровительство своим людям или взаимный договор между крепостным и помещиком. В XIX веке владелец фабрики — это только собственник и ничего более. Своего служащего он может уволить в любое время, когда захочет. Зависящий от его милости работник лишь инструмент, рабочая сила, которую всегда легко прогнать. Деньги порождают смелую и беспощадную логику и сталкиваются с теми, кто выражает ненависть все более и более угнетаемого народа и кто не понимает, на чем вообще может основываться легитимность этих новых хозяев. Именно с таким ненормальным положением, которое ввергает мир труда в отчаяние, и пришлось встретиться суперкапиталистам XIX века. Они должны были употребить все средства, чтобы придать своим слишком уж кричащим богатствам хоть какую-то видимость законности. И то, как это делалось, весьма показательно. Они стали наряжаться в обноски старой аристократии и прикидываться, будто играют ту же роль, что и принцы былых времен. Именно с этой целью новые династии прошлого века, едва возникнув и сделавшись известными, стали поспешно восстанавливать разрушенные замки, заключать союзы со старой знатью, перенимать ее вкусы и привычки и, если представлялся случай, украшать себя ее титулами. «Бароны Ротшильды» развлекались псовой охотой, а Круппы превратились вдруг в Круппов фон Боленов. Это был настоящий штурм дворянских грамот, гербов и аристократических дипломов. Невест из хороших семейств покупали буквально на вес золота. Были опустошены антикварные лавки, и почти все завели у себя интерьеры в стиле XVIII века, излучавшие аромат

² Пользование, распоряжение и выгода (*фр.*).

старой Европы, аристократии и столетних традиций. Все это, конечно, была только видимость. На самом деле они отнюдь не искали себе славы блистательных принцев прошлого. Им требовалось лишь одно – хоть как-то усыпить ненависть толпы, для которой они, несомненно, предпочли бы остаться неизвестными. Конечно, в наше время положение несколько изменилось. Новые богачи уже не те, что прежде. И на французской земле мы видим теперь миллиардеров нового типа, словно сошедших с американской картинки. Может быть, самым характерным среди них стал Бернар Тапи. Авторитет этого человека в глазах толпы основан на всей его энергичной манере вести себя, на том апломбе, с которым он пренебрегает всеми табу. Его меньше всего беспокоит, что происходит он не от крестоносцев. Ему наплевать и на элегантность, и на хороший тон. Это предприимчивый и готовый поставить все на одну карту; именно такой, какие нам нужны теперь для выхода из кризиса. Этот человек не стесняется делать сам себе рекламу, не блистает художественным вкусом и предпочитает быть спонсором футбола, а не меценатом художников и писателей. Он позволяет себе такие выходки в печати и на телевидении, что невольно хочется ему аплодировать. «Другие времена, другие нравы». Это уже особая манера заставить толпу забыть про свои богатства. Ту толпу, которая смотрит на него с легкой усмешкой нетерпения... Как если бы она следила за эквилибристом, шепча про себя: «Да ведь он сейчас свернет себе шею!».

Впрочем, что бы ни делали капиталисты Старого Света, стараясь приспособиться к жизни, живут они все-таки в изоляции, как бы на краю общества, в своем позолоченном маленьком мирке. Столь свойственные им дух предпринимательства и амбициозности, вкус к риску, даже их отвага всегда так или иначе сталкиваются со стереотипами окружающего общества, которое в значительно большей мере, чем принято думать, сохранило прежние ценности иерархии и порядка. И в этом обществе, несмотря на все свои деньги, они всегда будут на плохом счету.

Семейство Вендель (1704–1748)

Разделившееся в духе той эпохи между санкюлотами и эмигрантами, между французами и пруссаками семейство Вендель обладало особым даром всегда оставаться в стороне, и это помогло им избежать катастрофы

Сеньоры Айанжа... и рыцари промышленности

Вендели принадлежали одновременно и к старой знати, и к новой денежной аристократии, поэтому и признали их без каких-либо затруднений. Ведь в глазах общества давность сама по себе узаконивает богатство. Правда, некоторые брюзгливые ворчуны упрекали их за неприкрытое политическое влияние. Кроме того, им ставили в вину то, что во время обеих мировых войн они снабжали сталью заводы смерти. Однако происхождение от феодальных сеньоров служило им надежной защитой перед общественным мнением, которое, впрочем, и так весьма снисходительно относилось и к их богатству, и к их роскоши, тем более что они умели пользоваться всем этим с надлежащей скромностью.

Владельцы кузниц

При Старом Порядке владельцы кузниц получали личное дворянство. Что касается дворянства потомственного, то для этого было нужно королевское подтверждение.

Основание империи.

Для фламандских бюргеров Венделей, обосновавшихся в Кобленце, все началось в 1704 году, когда один скромный немецкий офицер приехал в Айанж – маленькую лотарингскую деревеньку на берегу притока Мозеля Фенша. Благодаря кредиту, полученному от двух банкиров в Нанси, он смог купить две кузницы, правда столь ветхие, что было весьма сомнительно, сможет ли он осуществить свою мечту. В 39 лет он отказался от успешной военной карьеры, ради того чтобы основать династию владельцев железоделательных мануфактур.

Через год после этого он приобрел и сеньориальные права на Айанж, земля которого, кроме лесов и рек, обладала еще и залежами железной руды. Иначе говоря, здесь было все необходимое для осуществления замысла Иоганна Мартина Венделя (так звали этого человека). Он был фанатичным тружеником, и усилия его не замедлили принести свои плоды. Всего за несколько лет умножилось число заказов, и были приобретены новые владения. Вскоре ему пришлось построить еще три кузницы, чтобы удовлетворять все возрастающий спрос. И, наконец, перестройка замка в Айанже засвидетельствовала то социальное признание, которое было увенчано дворянской грамотой Его Светлейшего Высочества Леопольда Лотарингского.

Скопленное отцом сын вкладывает в дело

Из четырнадцати детей, оставшихся после смерти предприимчивого офицера, на долю старшего, Карла, выпала тяжелая обязанность обеспечить будущее всего семейства. Это был любезный и улыбчивый человек (противоположность своего отца), но за его мягкой внешностью скрывались железная воля, необъятное воображение и бесконечная смелость. Он безукоризненно справился со своей должностью патриарха и, благодаря целому ряду удачных инвестиций, увеличил принадлежавшее семейству богатство. Среди этих вложений следует особо отметить женитьбу на Маргарите Гаузен, дочери лотарингского сборщика налогов, которая принесла ему недурное приданое, покупку богатых полезными ископаемыми земель в Лонгви и Врандте и успешное использование угля вместо дерева в качестве топлива.

Уши министров

Но самым главным достоинством Карла было умение воспользоваться новой политической ситуацией в Лотарингии после женитьбы Людовика XV на Марии Лещинской. Став подданным французского короля, он столь умело повел дела со своим новым монархом, что вскоре стал главным поставщиком артиллерии, используя которую Его Христианнейшее Величество заливал тогда потоками крови Европу и Новый Свет. Ужасная Семилетняя война, следовавшая после войны за Австрийское наследство и предшествовавшая Американской, была прямо-таки находкой для Венделей. Дела хозяина железных мануфактур шли в гору, и после смерти Карла, случившейся в 1784 году, его наследнику досталось значительно расширенное дело. Но, самое главное, оно имело все шансы увеличиться еще более, поскольку войн и смертоубийств в мире не уменьшалось.

Игнац основывает Ле-Крёзо

Как все люди XVIII века, Карл питал настоящую страсть ко всяким техническим новшествам и передал ее своему сыну Игнацу, который был своего рода профессором Нимбусом с энциклопедическим складом ума. Его меньше беспокоили дела семейного предприятия, нежели новые металлургические процессы. Благодаря его пытливому уму в 1769 году Габриэль Яре осуществил плавку на коксе, явившуюся настоящей революцией в производстве чугуна.

Это открытие, облегчившее изготовление пушек, а следовательно, во многом способствовавшее прогрессу рода человеческого, принесло господину д'Айанжу еще большие королевские милости. Военный министр Шуазель уже поручал Игнацу разобраться в том, как лучше усовершенствовать вооружение армии, а Людовик XVI – применить свой способ на королевских плавильнях в Эндре. Это заведение находилось при устье Луары, а там, как известно, нет ни железной руды, ни залежей угля, необходимых в таком деле. Исследовав все на месте, Игнац предложил перенести плавильни туда, где будет хоть какая-то возможность обеспечить их работу. Королевские чиновники с величайшим вниманием выслушали эти советы, затем образовали комиссии и подкомиссии и после долгих заседаний в целом одобрили предложенный план, но по зрелом размышлении решили все-таки отложить его реализацию до лучших времен, полагая, что тратить сейчас деньги ради отдаленной выгоды все равно как спасаться в реке от дождя. «Но если вы желаете разориться, Его Величество отнюдь не возражает и посылает вам свое благословение вместе с правом принять ведение дел на свой счет. Перевозите туда, куда вам заблагорассудится». Игнац не заставил просить себя дважды. Он согласился и после разведок по всей Франции остановил свой выбор на Ле-Крёзо – небольшой Бургундской деревушке, единственной особенностью которой было то, что никто о ней ничего не слышал. В 1782 году он соорудил там самые высокие печи в Европе.

Ле-Крёзо

В настоящее время заводы Ле-Крёзо производят специальные сорта стали и железнодорожное оборудование.

Буря

Хотя Вендели прежде всего были промышленниками, они в то же время занимали определенное место в феодальной иерархии Старого Порядка, и, хоть место это досталось им совсем недавно, свое дворянство они берегли как зеницу ока. Естественно, что события Революции не вызвали у них особенного воодушевления. К тому же социальное положение семьи и связи со двором очень скоро навлекли на нее недоброжелательство санкюлотов.

Также почти сразу стало ясно, что они не выплывут из бури совершенно невредимыми, без каких-либо потерь.

И вот в течение всего этого тяжелого времени деликатную обязанность заботиться о семье взяла на себя женщина – Маргарита Гаузен. Природа наделила эту добродетельную супругу Карла, хозяина железных мануфактур, не меньшей закалкой, чем у того металла, который выплавлялся в его высоких печах.

Маргарита Гаузен – владелица сталелитейных мануфактур Венделей

После кончины мужа, случившейся за шесть лет до Революции, она взяла в свои руки управление всеми предприятиями, на что был неспособен Игнац, слишком увлеченный своими исследованиями и опытами. И она с твердостью исполняла все эти обязанности вплоть до своей смерти 4 января 1802 года в возрасте восьмидесяти двух лет.

Артиллерия

Благодаря военному инженеру генералу Жану Батисту де Грибовалю (1715–1789) французская артиллерия стала в XVIII веке лучшей во всем цивилизованном мире. Фирма Вендель сумела воспользоваться этим благоприятным обстоятельством.

Железная леди

По меньшей мере можно сказать, что в сложившихся обстоятельствах задача, стоявшая перед госпожой Айанж, была намного деликатнее, чем она сама могла предположить. Для спасения предприятия от нависшей угрозы эта железная женщина изобрела такую стратегию, которая позволила ей сохранить и козла, и капусту. Чтобы не класть все яйца в одну корзину, семейство Вендель разделилось на две части. Одни из его членов по примеру Игнаца присоединились к эмиграции и вступили в армию принцев. Другие же остались на месте и помогали «гражданке Вендель» отливать пушки и ядра, в которых отчаянно нуждалась

молодая Французская Республика, чтобы принести всему свету мир и свободу, обещанные великими умами того века.

Хотя подобная стратегия в конце концов принесла свои плоды, избежать затруднений все-таки не удалось. В 1793 году неблагодарная Республика конфисковала кузнечные мануфактуры. Госпожа д'Айанж оказалась в тюрьме Меца, где ей пришлось пробыть долгих восемнадцать месяцев. В это время Игнац, сходявший с ума от отчаяния, покончил с собой. Однако после Термидора семья опять встала на ноги. Учитывая, что по крайней мере часть ее членов не эмигрировали, революционная администрация разделила имущество Венделей на две почти равные доли. Первая была возвращена госпоже д'Айанж и двум детям ее сына, которые находились при ней. Вторая, отнесенная к собственности эмигрировавших членов семьи, подлежала конфискации и продаже с торгов в пользу Нации. Она была куплена в 1800 году за шестнадцать миллионов неким бюргером из Тойонвиля по имени Луи Грантиль, который стал хозяином кузниц, но поспешил, однако, на этом деле разориться. Маргарита Гаузен, владелица Айанжа стала первым великим деятелем этого семейства. Вторым была Жозефина де Фишер де Дикур.

Вендели вновь обретают свою империю

Хотя Венделям и удалось спасти кое-что из движимости, они тем не менее потеряли большую часть своего имущества. Им пришлось собирать по крохам остатки своей империи, не говоря уже о том, что надо было расплачиваться с огромными долгами, сделанными госпожой д'Айанж.

Это казавшееся почти невозможным восстановление произошло в два приема. Чтобы сосредоточить все усилия на самых ценных владениях, пришлось расстаться с кузницами в долине Варндта, но все-таки проданы они были кузенам Гаузенам и, таким образом, остались собственностью семьи. Кроме того, через подставное лицо, некоего Шарля Обертена, за которым скрывался семейный консорциум, было выкуплено имущество несчастного Грантиля. В этот консорциум входили два сына Игнаца, Шарль и Франсуа, и два зятя госпожи д'Айанж, Бальтазар и Лакотьер.

Семейное единство помогло бывшим господам д'Айанжа хоть немного оправиться после той беды, которая чуть не поглотила их всех. И они сумели извлечь из этого урок на будущее.

Брачный союз

Филипп де Отклок, или, как его называли, кузнец «Леклерк», женился на Терезе де Гарган, внучке Франсуа де Венделя... Однако в его жизни это было не единственным славным деянием.

Пушки Великой армии

Итак, при возникновении Империи фирма Вендель снова стояла на ногах. Этому в величайшей степени способствовал ее новый молодой и энергичный хозяин, ум которого не уступал его честолюбию. Сын Игнаца, Франсуа де Вендель, хотя и жалел о том, что ему пришлось оставить морскую службу, да и не было у него всепоглощающей страсти к кузницам и литейным заводам, тем не менее горел желанием умножить свое состояние и утвердить престиж всего семейства. То, что удалось почти чудом избежать полного разорения и, конечно же, пример бабки – все это выработало его характер.

Когда в XIX веке начался бурный взлет металлургической промышленности, он, благодаря обширным заказам на оружие во время наполеоновских войн, сумел привести семейное дело к процветанию и, как настоящий капиталист, поставил своей целью добиться полной гегемонии на рынке металлов.

Восстановив мануфактуры и кузницы, которые во время Революции стали, как и вся облагодетельствованная ею страна, жертвой жесточайшей разрухи, Франсуа ударился в крайне амбициозную политику, занявшись выкупом и всяческими техническими усовершенствованиями. Франсуа де Вендель прожил всего сорок семь, но наполненных бурной деятельностью лет и оставил после своей смерти в 1825 году вновь преуспевающее дело. Он перераспределил капитал, выкупив доли самых ближайших родственников, присоединил соседние заводы Мойёвра, принадлежавшие его главным конкурентам, и купил в окрестностях Форбаха тысячу двести пятьдесят гектаров земли, покрытой лесом и буквально набитой углем. Кроме того, впервые во Франции он установил на своих заводах прокатные станы и ввел коксовую плавку, на которую столько усилий положил его отец.

Каков отец, таков и сын

Волею судьбы сын и наследник Франсуа, Шарль, по уму, трудолюбию и предприимчивости не уступал ни отцу, ни деду, ни прадеду, да к тому же и мать его, Жозефина де Фишер де Дикур, твердостью характера была ничуть не слабее своей знаменитой прабабки, Маргариты де Гаузен. Когда умер отец, Шарлю исполнилось лишь 16 лет, и встать за руль семейного корабля пришлось его матери. Она сделала это с безошибочным мастерством и всю свою жизнь всячески поддерживала сына.

Жозефина происходила от отца основателя династии, Иоганна Мартина Венделя, и с полным правом играла выпавшую на ее долю роль. В большей степени благодаря именно ей Шарль после окончания Эколь Политеchnik смог делать двойную карьеру – политического деятеля и промышленного барона, – не отставая от последних достижений науки и прогресса. С помощью своего родственника, талантливого инженера Теодора де Гаргана, он сумел на протяжении восемнадцати лет быть и мозельским депутатом, защищавшим либеральную экономику, и крупным хозяином, определявшим развитие лотарингской металлургии. Именно по его инициативе было остановлено устаревшее производство на заводах в Айанже и Мойёвре, а с 1853 года форбахские заводы перешли на выплавку стали, которая вследствие развития железных дорог получила в XIX веке широчайшее распространение. Именно он, начав использовать новые высокопроизводительные процессы Бессемера и Мартена, поставил фамильное дело во главе всей французской металлургии.

Все повторяется сначала

По странному стечению обстоятельств после войны 1870 года заводы Венделей оказались чуть ли не в таком же положении, как и в эпоху Революции. После смерти Карла в 1870 году, накануне франко-прусского конфликта, во главе дела в полном одиночестве осталась Жозефина де Фишер де Дикур. Чтобы пережить эти мрачные годы, вдове Франсуа де Венделя пришлось стать второй «мадам д'Айанж» и спасти фамильную империю от катастрофы. А империя эта грозила развалиться, так как по мирному договору новая граница пролегла прямо через промышленные владения Венделей.

Тем же бедам те же лекарства

Жозефина решила разделить семью надвое, следуя, несомненно, примеру того, как поступила в свое время Маргарита Гаузен. По ее настоянию одна часть ее внуков осталась во Франции, а другая приняла германское подданство. Затем она, как единственная владелица, преобразовала дело в семейное командитное товарищество, которое стало называться «Внуки Франсуа Венделя» (1871 год). Это общество, куда могли входить лишь ее внуки, стояло одной ногой во Франции, а другой – в Германии и, несмотря на непроницаемость границы, могло не только сохранить свою штаб-квартиру в Айанже, но и продолжать действовать как единое целое.

Двойная национальность и единство семьи, спасшие дело в черные дни Революции, помогли без потерь пережить и сорок пять долгих лет, в течение которых Лотарингия была отделена от Франции. По обе стороны новой границы Вендели одинаково стали играть двойную роль промышленников и политиков. Если Франсуа был избран депутатом в Бурбонский Дворец, то Анри, а потом и его племянник Шарль, владевшие «немецкими» заводами, сидели на скамьях Рейхстага и демонстрировали там крайние профранцузские убеждения и чувства.

Стиринг-Вендель

Как и многие крупные промышленники XIX века, Шарль де Вендель имел склонность к благотворительности. В 1853 году рядом с возведенным им в форбахском лесу металлургическим комплексом он построил новый город Стиринг-Вендель для трех тысяч пятисот рабочих.

Вопреки всему на вершине успеха.

Внешний раскол отнюдь не помешал процветанию империи Венделей. Напротив, именно тогда она достигла своего апогея. В Германии Анри де Вендель использовал изобретение Томаса Гилдкреста, позволявшее при помощи лотарингского фосфористого минерала производить сталь на заводах Айанжа и Мойёвра. Вскоре он занял четвертое место среди промышленников Рейха. Во Франции Робер де Вендель и Теодор де Гарган заключили союз со своим главным конкурентом Анри Шнейдером, семья которого, выкупив заводы Ле-Крёзо, приобрела и патент Гилдкреста. Компаньоны основали в 1880 году «Общество Вендель и Ко» со штаб-квартирой в Жёфе и начали разработку месторождений в Брии. Таким образом, накануне войны 1914 года семейство Вендель оказалось прекрасно подготовленным для поставок пушек и снарядов будущим противникам.

«Комите де Форж»

Эта организация была создана в 1864 году владельцами металлургических предприятий для защиты интересов французской металлургии. С самого начала во главе ее стоял Эжен Шнейдер, который играл первую скрипку в течение всего времени между двумя мировыми войнами. Комитет был упразднен в 1940 году вместе с профсоюзами.

Война, не оправдавшая надежд

Однако война 1914 года не стала для торговцев пушками (которыми через посредников были Вендели) столь уж выгодной, как о том говорили злые языки. С самого начала конфликта заводы в Айанже и Мойевре оказались под принудительным управлением, поскольку германское правительство мало доверяло их профранцузским хозяевам. Кроме того, вся эта семья, то ли французская, то ли немецкая, была вынуждена покинуть свою империю, оказавшуюся в зоне военных действий. Фактически на время войны фирма Вендель лишилась всего своего имущества. Каждый из ее членов, в зависимости от его положения, как мог служил отечеству: Гумберт по поручению правительства поехал в Лондон, чтобы возглавить закупочную контору, а Франсуа был назначен инспектором военных заводов. Однако все они, несмотря на временное разорение, продолжали обивать министерские коридоры и оказывать немалое влияние на правительство.

Удача сопутствовала им: они вернули себе все потерянное и с легким сердцем опять окунулись в дела и политику. Конечно, у злых языков нашлось что сказать. Разоблачали тех, кто покровительствовал Венделям; недоумевали, почему во время наступательных операций в Брии французская артиллерия не обстреливала их заводы. По мнению некоторых экспертов, уничтожение этих предприятий сократило бы кровопролитие на несколько месяцев. Даже Гумберта обвиняли в том, что он преднамеренно завышал цены на товары, покупае-

мые в Англии. Правда это или ложь (скорее всего, последнее), но такие обвинения немало вредили их репутации.

Впрочем, несмотря на пошатнувшийся престиж, Венделям все-таки удалось стать кому депутатом, кому сенатором, а кому и вовсе членом Народного Фронта, и они продолжили свой триумфальный марш к еще большему богатству. Разрушенное было восстановлено. Все малоэффективное модернизировано и преобразовано.

В 1926 году они без особых финансовых затруднений выкупили у Шнейдера его долю в Компании, а в 1931 году, чтобы поддержать свою политическую линию, приобрели и еженедельник «Тан». На вершине славы Франсуа де Вендель занимал одновременно пост председателя «Комите де Форж» и управляющего Французским Банком. И, конечно же, в 1936 году коммунистическая партия оказала честь Венделям, включив их в список двухсот семейств, которые она намеревалась уничтожить.

Сасилор³

В 1973 году, после двухсот семидесяти лет непрерывной деятельности под руководством семейства Вендель, управление делами этого Общества перешло к государству.

Вторично разоренные

В 1940 году Вендели не сумели исхитриться так, как это удалось в 1870 году, когда они сделали для себя прозрачной демаркационную линию, проходившую по Вогезам. Вторая мировая война принесла новое разорение, но на этот раз семейство ничего не смогло сделать, чтобы смягчить удар. Немцы, перейдя границу, сразу же завладели шахтами и заводами Венделей, которые взял себе сам маршал Геринг, и они влились в Hermann Goering Werke. Венделям же снова пришлось бежать. Франсуа отправился руководить заводами в Руан, другие ожидали конца бури, примкнув к движению Сопротивления.

Дела уже не пойдут так, как прежде

Из этого последнего испытания дом Венделей вышел значительно ослабленным. Ему так и не суждено было вернуть свое прежнее величие. Конечно, после войны имущество фирмы Hermann Goering Werke было полностью возвращено прежним владельцам, но будущее отнюдь не стало для промышленных баронов таким же благоприятным, как предшествовавшие войне десятилетия. Национализация угольной промышленности, общий упадок лотарингской металлургии, равно как и возрастающее влияние банков, оказались роковыми для компании Вендель и положили конец семейной саге, длившейся на протяжении жизни восьми поколений.

В 1948 году командитное товарищество «Внуки Франсуа Венделя» преобразовалось в обычное акционерное общество, искавшее частных инвесторов. Какой бы престиж еще ни оставался у этого семейства, какую бы энергию они ни проявляли, Вендели ничего не могли противопоставить тому движению, которое рано или поздно должно было покончить с великими стальными династиями.

Эжен Шнейдер (1805–1875)

В 1836 году этот французский промышленник вместе со своим братом Адольфом стал владельцем прежней королевской литейной мануфактуры, которая была основана в Крёзо Игнацем де Венделем. Именно там Шнейдер построил первый французский паровоз, а после изобретения нового сорта стали (шнейдеровская сталь) сосредоточил деятельность своего предприятия на производстве оружия. Он стал выпускать броневые плиты для военных

³ Sacilor-Societe des acie'ries lorraines – Общество лотарингских железнодорожных заводов (фр.).

кораблей и артиллерийские орудия, которые, по правде говоря, выглядели довольно бледно по сравнению с пушками господина Крупна.

Со временем семейство Шнейдер, считающееся одной из самых знатных промышленных династий, перешло к производству станков.

Ротшильды (XVIII век)

Эти финансовые бароны являются образцом магнатов старой Европы. Они умеют сочетать богатство с хорошим вкусом

Эмблема Ротшильдов

Представляет собой *пять* стрел, соединенных цепочкой, что символизирует союз пяти сыновей Мейера Амшеля.

Поздним вечером 19 июня 1815 года к набережной порта Остенде галопом прискакал всадник, и лошадь, и человек, некий Ротворд, были крайне измучены. Прибывший тяжело сполз на землю и из последних сил подбежал к небольшому судну. Как только он взошел на борт, оно сразу вышло в море и на рассвете следующего дня достигло английского порта Фолкстон. Его уже несколько часов, напряженно всматриваясь в туман, ждал человек. Одним прыжком он перескочил на палубу, выхватил из рук Ротворда голландскую газету, еще пахнувшую типографской краской, и впился в первую страницу. На лице его появилась довольная улыбка, потом он вскочил в седло и во весь опор помчался к Лондону. Через несколько часов он достиг столицы и, не теряя ни минуты, поспешил на биржу.

Девиз

К баронскому титулу Ротшильды присоединили следующий девиз «Согласие, *Честность, Трудолюбие*».

Продавать или не продавать

Ажиотаж на бирже достиг апогея. По другую сторону Ла-Манша, вблизи Брюсселя, решалась судьба Европы в битве, ставшей вскоре исторической, – при Ватерлоо. Вся Англия с трепетом ожидала курьеров Веллингтона, которые с минуты на минуту должны были привезти ответ на роковой вопрос – побежден Наполеон или нет? Для биржевых спекулянтов этот вопрос сразу же обретал другой, более прозаический смысл: продавать или не продавать ценные бумаги?

Финансистам не было ничего важнее, чем первыми узнать об исходе битвы. Если Наполеон снова победил, значит, консолидированные акции обесценятся и от них надо как можно скорее избавиться. Зато в противном случае, при победе союзников, их цена резко возрастет, и чего бы это ни стоило, следует только покупать. Но 20 июня 1815 года лишь один человек во всей Англии знал о поражении Наполеона – тот самый всадник, прискакавший из Фолкстона и хорошо известный всем деловым людям лондонского Сити. Звали его Натан Ротшильд. Когда он вошел в большую залу, где было трудно дышать, все взгляды невольно обратились на него, к той знаменитой колонне, к которой он имел обыкновение прислоняться, когда отдавал свои распоряжения. Имя Ротшильдов было уже хорошо известно по всей Европе, и они пользовались репутацией людей, прекрасно умеющих вынюхивать, откуда дует ветер. Поэтому то, что делал Натан, вслед за ним повторяли многие спекулянты. А раз ему известно о повышении консолидатов, значит, он будет покупать их как можно больше. Собравшиеся с напряженным нетерпением вглядывались в него, готовые броситься за ним вслед. Но герой наш, подобно опытному актеру, умеющему притягивать к себе взгляды зрителей, не торопился. Потом вдруг принял решение и, вместо того чтобы покупать, продает консолидаты, и сразу много, очень много, прямо-таки в горячечной спешке, словно при наступлении какой-то катастрофы. Невозможно описать ту панику, которая охватила всех вокруг. Подобно судороге разнесся слух, тут же превратившийся в

уверенность: «Наполеон победил. Ротшильд уже знает: Наполеон победил». Словно безумные, все кинулись продавать, избавляться любым способом от этих проклятых консолидатов, которые через несколько десятков минут не стоили уже ничего. Их продавали так, как кидают клочки бумаги в мусорную корзину, даже не подозревая, что те, кто покупал их... были агентами банка Ротшильда!

Почти в точности так происходил этот биржевой «путч», считающийся самым знаменитым в истории капитализма. Скольким блестящим лордам и почтенным баронетам пришлось после этого драматического дня продать свои наследственные поместья и охотничьи угодья в Шотландии, у скольких вкладчиков пошли прахом их скромные сбережения. Но зато эта блефовая махинация Натана невообразимо увеличила фамильное состояние семьи Ротшильдов, и, как бы мы ни судили его за обман, нельзя в то же время не восхищаться проявленными им хладнокровием и профессиональной сообразительностью.

Следует заметить, что заслуга в этом блестящем успехе принадлежала не одному Натану, но также и всей его семье, а особенно отцу, который был настоящим основателем этой знаменитейшей финансовой империи.

Почести

Лайонел Натан Ротшильд был первым израилитом, заседавшим в английском Парламенте. Избранный в 1847 году, он отказался принести христианскую клятву и занял свое место лишь через одиннадцать лет после отмены запрета на политическую деятельность евреев. Его сын, Натан Мейер, первым из своих единоверцев получил в 1885 году достоинство пэра.

Первый чек

Жертвой еще одного блефа Натана Ротшильда стал управляющий Английским Банком. Как-то раз Натану понадобились наличные деньги, и он послал за ними своего служащего, снабдив его кое-как написанной на простом листке бумаги распиской. Кассир банка с достоинством отправил посланного обратно: «Английский Банк не ведет дел с частными лицами», на что ему было сказано: «Ротшильды – это не частные лица». В подтверждение этих слов Натан отправил на следующий день целый отряд служащих и снял со своего счета огромное количество золота. Государственная касса опустошилась с такой быстротой, что голова управляющего пошла кругом и ему пришлось уступить.

«Подполье» еврейской улицы

Он родился 23 февраля 1743 года во Франкфурте-на-Майне и был наречен Мейером Амшелем, но, как и большинство немецких евреев, не имел фамильного имени... Само слово Ротшильд обозначало семейную принадлежность и образовалось от выражения «Zum roten Schild»*. Фактически это было просто прозвище, относившееся к красному щиту, украшавшему скромный фасад его родительского дома.

Оставшись сиротой, мальчик отказался от лелеемой родственниками мысли сделать его раввином и, рассудив, что знание финансов будет много прибыльнее, чем изучение Торы, уехал в Ганновер обучаться в банке Оппергеймера. После того как он достаточно постиг эту профессию, Мейер Амшель возвратился в родные пенаты, но не стал продолжать почтенную банковскую карьеру, а решил вместе со своими братьями возобновить фамильную торговлю старьем и металлоломом – дело малопривлекательное, от которого он навряд ли мог стать много богаче, чем другие мелкие торговцы.

Переехав в небольшой домик под вывеской «Чугунок», Амшель сразу же принялся за дело, следуя правилу, принесшему ему богатство и переходившему от поколения к поколению его потомков. О, сколь драгоценным было это правило, хотя и заключалось оно всего

лишь в одном коротком слове – труд. Амшель трудился в своем «Чугунке» как каторжник и с таким успехом, что вскоре дело его стало процветать и он мог уже купить новый, более просторный и богатый дом под вывеской «Зеленый Щит».

Рецепты

«Капитал – это труд» (*Альфонс де Ротшильд*)» Добиться богатства, процветать, защищать себя» – так определил деятельность своего семейства нынешний глава французского филиала барон Ги Ротшильд.

Конторка старьевщика

Хотя новый дом Амшеля оказался лучше всех прежних, но с виду он представлял собой самую заурядную лавку подержанной одежды. Чтобы понять, как идут дела, надо было проникнуть в конторку – мрачную и безмолвную комнатку, святая святых, прятанную среди коридоров, где хозяин, словно мышь в швейцарском сыре, предавался одновременно и своему занятию менялы, и любимому времяпровождению – нумизматике.

Для большинства деловых людей любое увлечение подобно содержанкам – повод для расходов, от которых лучше всего воздержаться. Но Амшель не походил на других, и его любовь к старым медалям и вышедшим из оборота монетам как раз и послужила трамплином к богатству. Случилось так, что принц Вильгельм, ландграф Гессен-Кассельский, в чьем подданстве состоял Амшель Ротшильд, также был страстным нумизматом. И мелкий еврейский меняла нашел здесь уникальную возможность вырваться из серости гетто и проникнуть в позолоченные стены княжеского дворца. Он представил Его Светлейшему Высочеству свою драгоценную коллекцию и после тысячи ужимок согласился уступить несколько монет, величайшей редкостью которых он только что похвалялся. С этого дня перед ним широко открылись ворота дворца, и Амшель регулярно появлялся там, чтобы показать новые приобретения, одно ценнее другого, и дело всегда заканчивалось тем, что он как бы в ущерб себе уступал их, каждый раз сопровождая это новыми и все более шумными выходками.

Наконец, сочтя, что сделано уже достаточно, Амшель решил получить проценты с этих дорогостоящих вложений. Он испросил у принца Вильгельма аудиенцию, на которой весь красный от смущения с какими-то акробатическими курбетами пробормотал: «Я имею величайшую честь умолять Ваше Величество снизойти к просьбе Вашего ничтожнейшего слуги и назначить его на высокую должность поставщика Его Высочайшей Княжеской Светлости...». Смущение просителя вызвало улыбку ландграфа, и он согласился, поскольку отнюдь не хотел терять человека, имевшего столь похвальную привычку продавать ему редчайшие монеты за четверть цены. На следующий день, 21 сентября 1769 года, наш старьевщик-нумизмат, широко улыбаясь, прибывал тяжелым молотком на свой дом большую вывеску с гессен-кассельским гербом, где крупными буквами, на зависть единоверцам и к вящему антисемитизму всего прочего населения, было написано: «Мейер Амшель Ротшильд. Поставщик Двора».

Друзья-министры

Одна из традиций Ротшильдов состоит в том, чтобы привлекать к себе людей, обещающих стать историческими личностями. И в этом у них тоже проявляется удивительное чутье. Например, с французским филиалом были связаны: Леон Сэй, неоднократно занимавший пост министра финансов между 1872 и 1896 годами, Рене Майе, министр финансов и президент Совета при Четвертой Республике, и, наконец, самый влиятельный из всех – Жорж Помпиду.

«Придворный еврей»

Достижение этой в общем-то весьма скромной должности было для Амшеля лишь первой ступенью к замышляемому им восхождению. И через пятнадцать лет, благодаря ловкости, интригам и, надо признать, оказанным двору услугам, он стал самым доверенным лицом Его Высочества и получил пост, столь важный для его амбиций – придворного банкира.

Используя эту должность, он заложил основу своей будущей империи. Распоряжение такой большой массой денег – Вильгельм был одним из самых богатых принцев того времени – позволило ему, помимо своих прямых обязанностей, устроить и два дела в собственных интересах. Во-первых, он создал по всей Европе сеть преданных лично ему агентов. Во-вторых, используя доверенные ему капиталы, играл на бирже, но только ради своей выгоды, что было уже не столь безупречно в нравственном отношении.

Первая гениальная идея

Как бы то ни было, но принц оставался доволен. Он мало что понимал в финансах, и его вполне устраивали услуги человека, досконально в них разбирающегося. Впервые Амшель с блеском показал свои способности во время Американской войны за независимость. Главным источником доходов такого маленького государства, как Гессен-Кассель, была продажа рекрутов. Вильгельм в большом числе поставлял их британской короне, но уже отчаялся получить за это плату, поскольку блокада сделала невозможным перевод фондов. Как раз в то время Ротшильды через посредников покупали в Америке шерсть и ситец, намереваясь впоследствии сбывать их на европейском рынке. И Амшель придумал такую комбинацию, которая устраивала одновременно и его самого, и принца.

Майер Амшель Ротшильд

Он поехал в Лондон, оплатил там купленные им ткани векселями должников Вильгельма, после чего вернулся во Франкфурт, получил за них талеры и, конечно, взял себе хорошую комиссию. Столь удачное дело так понравилось ландграфу, что он несколько раз просил Ротшильда повторить его и к тому же убедил своего сюзерена, герцога Карла Августа, последовать этому примеру. Такая система, устранявшая риск перевозки денег, позволила Ротшильду в течение двадцати лет пользоваться подобным двойным дисконтом и извлечь немалые выгоды из войн, затоплявших кровью всю Европу.

Майер Амшель и женщины

«Поскольку мои дочери, зятья и их наследники не имеют прав ни на какую часть фирмы «Амшель Ротшильд и Сыновья», я никогда не прощу им, если в нарушение моей отеческой воли они осмелятся беспокоить моих сыновей в их делах». Это столь категорично выраженное желание основателя династии scrupulously соблюдалось его потомками. Для дочерей единственным способом получить кусок пирога оставался брак с кузенами. Отсюда возникла чуть ли не система эндогамных союзов. После Амшеля половина браков в семье Ротшильдов заключалась между кузинами и кузенами.

Вторая гениальная идея

«Гутеле, дорогая, ты непременно должна родить мне сына». Как жена Гутеле Шнаппер превосходила все, о чем Амшель мог только мечтать. Она была богата, аккуратна, экономна и старалась угадать малейшее желание своего любимого мужа с не меньшим рвением, чем относилась к соблюдению субботы. Ни секунды не сомневаясь, что участвует в осуществлении его великих замыслов, она тут же принялась за дело и в рекордный срок произвела на свет десять великолепных детей – половину мужского и половину женского пола. При рождении каждой девочки Амшель надувал губы. Они для него ничего не значили. Но если, к счастью, появлялся мальчик, отец буквально прыгал от радости, поднимал на ноги весь квартал, оглашал гетто радостными криками и бегал по всем синагогам города сообщить радостную весть и воздать хвалу Всевышнему. По прошествии недолгого времени его охватывала дрожь от нетерпения увидеть своих херувимчиков достаточно подростками, чтобы они могли начать под его ферулой обучение торговле и банковскому делу. Наконец приходил срок, и он посвящал их в тайны денежного курса, биржи, экономии, учета векселей, пошлин, обмена денег. Учил, как зарабатывать золотые кружочки, с терпением перигорского крестьянина, натаскивающего свою собаку на трюфеля.

«Мультинациональное» семейство

Наконец, когда пятеро его сыновей были достаточно подготовлены, чтобы помогать ему в делах, он решил приступить к исполнению своего главного проекта. Давно уже созревавшая идея отличалась простотой, а неустойчивое политическое положение только способствовало ее осуществлению. Разрешив посредством простой игры подписей проблему гессенских рекрутов для Англии, Амшель занялся устройством во всех больших столицах Европы необходимых ему филиалов с системой двойного дисконта и со своей особенной специализацией.

Для этого были созданы пять банков, и во главе каждого поставлен один из его сыновей. Старший, тоже Амшель, или Ансельм, остался во Франкфурте координировать деятельность этой малой диаспоры, а младшие получили в удел по одной из главных столиц Европы, где им и предстояло обосновываться. Старый Амшель отправил Соломона в Вену, Натана в Лондон, Джемса в Париж, а Карлману, или Карлу, досталось Неаполитанское королевство.

Формально независимые друг от друга, они тем не менее были связаны священными узами крови и имели общую курьерскую службу, которая позволяла им обмениваться известиями о всех политических событиях чуть ли не раньше, чем эти события происходили на самом деле. Скаковые лошади, мальпосты, эстафеты и даже почтовые голуби постоянно передвигались по земле и небу, чтобы доставить Ротшильдам таинственные закодированные сообщения на иврите и идише, которые позволяли им прежде всех других узнавать о любых биржевых перипетиях.

Израиль

Лайонелу Уолтеру, второму барону Ротшильду и правнуку Натана, была адресована декларация Бальфура от 2 ноября 1917 года, в которой правительство Его Величества соглашалось на создание в Палестине «отечества для еврейского народа». С этого времени Ротшильды постоянно оказывали помощь сионистскому движению. Член французского филиала Эдмон де Ротшильд пожертвовал семьдесят миллионов золотых франков на еврейские коммуны в Палестине.

Атавизм

Когда человек одним движением руки приобретает целое состояние, то обычно наследники, приняв последний вздох предка, спешат поскорее промотать нажитое. Но это совершенно не относилось к Мейеру Амшелю. Он сумел научить детей любить не только деньги, но и труд. Пятеро братьев недаром были сыновьями своего отца. Они работали не покладая рук и, не разгибая спины, и вскоре банки Ротшильдов превзошли все надежды их основателя.

Такие картинки с изображением «дома» Ротшильдов пропагандировали в XIX веке легенду о Мейере Амшеле и его пяти сыновьях: Амшеле Мейере, Соломоне, Натане, Карле и Джемсе. (Литография по рисунку Морица Оппенгейма 1852 года, Национальная Библиотека, Париж.)

Кредиты

Английский филиал продолжал и после Натана субсидировать государство. В 1875 году правительству Дизраели был дан заем на 99 миллионов золотых франков для выкупа у египетского хедива принадлежащей ему части Суэцкого канала.

Действие первое: Лондон

Натан обосновался в Лондоне в 1794 году. Ему было всего лишь 28 лет, он имел весьма ограниченный финансовый опыт, но за ним стоял престиж отцовского имени. Его снедала жесточайшая страсть к успеху в этой стране, которой предстояло в ближайшие десятилетия, как почувствовал своим изощренным нюхом старый Амшель, стать главнейшим биржевым центром Европы. И очень скоро молодой человек показал свои способности. Самым блестящим делом Натана стала афера, о которой мы поведали вначале. Именно она послужила основой богатства и всеевропейского влияния Ротшильдов. Но были и другие подвиги.

Натан изучал рынок сначала в Манчестере, а потом в Лондоне и понял, какую выгоду можно извлечь из наполеоновских войн. Продолжая свои торговые дела, он в то же время придумал хитрый план помощи британской короне, которая разорялась на военных расходах, и с этой целью предоставил правительству кредит в сто тысяч фунтов. При содействии брата Джемса деньги были переведены в Испанию для армии Веллингтона. Эта деликатная и безупречно проведенная операция (не считая, конечно, приличных комиссионных) принесла ему благодарность Его Величества и поставила Ротшильда на равную ногу с управляющим Английским Банком. После падения Наполеона он вполне естественно стал общепризнанным финансистом Священного Союза и получил от британского правительства неслыханную доселе монополию на торговлю золотом и драгоценными металлами.

Понятно, что английская ветвь семейства процветала. Через сто лет после смерти Натана его потомки, образовавшие в Нью-Йорке таинственное «Бюро Компаньонов», заправляли и в торговле драгоценными металлами, и на валютном рынке, и в страховых фирмах, и в арбитраже.

Золотые франки

Приехав в Париж в 1811 году с миллионом золотых франков, Джемс де Ротшильд оставил после своей смерти состояние, исчислявшееся двумя миллиардами.

Действие второе: Вена

Соломон, второй сын Амшеля, отправился в Австрию. Он умел одинаково хорошо улаживать человеческие неурядицы и продвигать дела своего семейства. Вскоре он попал ко двору и завязал с Габсбургами и князем Меттернихом дружеские отношения, что позволило ему после конгрессов в Вене и Экс-ла-Шапель играть скромную, но влиятельную роль. Эти знаменитые конгрессы, перекроившие всю Европу, явились для Ротшильдов истинным благословением. Долги бывших противников друг другу превосходили все обычные представления. За удовольствие утопить в крови во имя свободы всю Европу Франция должна была платить всему свету. Финансовые отношения Англии, Австрии и России требовали значительного перемещения капиталов.

Благодаря международной структуре своего банковского дела Ротшильды лучше всех подходили для осуществления подобных операций. Одним росчерком пера они могли переводить огромные суммы из страны в страну, избавляя своих клиентов и от задержек оплаты, и от риска, связанного с перевозкой денег.

В Вене Соломон старался угодить всем и каждому. Он взял на себя долг австрийского правительства России, дал пустячный, в девятьсот тысяч гульденов, беспроцентный кредит канцлеру Меттерниху и употребил весь свой такт для облегчения нового замужества императрицы Марии Луизы с генералом фон Нейппергом.

Дом Нусинген

В эпоху Луи-Филиппа Джеймс де Ротшильд был одним из самых влиятельных людей в Париже. Его сильный немецкий акцент вдохновил Бальзака на создание малопривлекательного и даже излишне карикатурного образа банкира Нусингена.

Теперь все бароны!

Как, однако, ни старался Соломон, ему никак не удавалось получить то, к чему он так стремился и чего уже добились в других странах его братья – разрешения создать настоящий банк в столице Австро-Венгерской Империи. Ему пришлось довольствоваться лишь дворянской грамотой и достоинством барона, которыми благодарный Меттерних одарил разом всех пятерых братьев. И все дети франкфуртского старьевщика незамедлительно стали баронами де Ротшильд, кроме Натана, который никогда не пользовался этим титулом. И у них сразу же обнаружились аристократические замашки, вызывавшие саркастические улыбки скептиков.

Французский филиал

Глава французского филиала с 1905 года Эдуард де Ротшильд (1868–1949) прославился противодействием стабилизации франка, проводившейся Пуанкаре, а также национализации железных дорог. Французский филиал состоял из трех железнодорожных компаний («Северной», «Париж – Орлеан – Париж», «Париж – Средиземное море») и владел большими пакетами акций в таких компаниях, как «Рио-Тинто» (медь), «Пеньяройа» (свинец и цинк), «Никель».

Действие третье: Париж

Тот из братьев, кому предстояло стать главою «французского филиала дома Ротшильдов», приехал в Париж в 1811 году. Его звали Якоб, и ему было 19 лет. Высокого роста, с рыжими волосами, он уже тогда отличался какой-то особенной элегантностью. В полиции он назвался Джеймсом и показал рекомендательное письмо майнцского епископа монсеньора Дальберга.

Обучавшийся в Лондоне у своего брата Натана, Джемс, несмотря на молодые годы, обладал уже солидным опытом и неплохо знал Францию, благодаря тому, что тайно приезжал туда за контрабандным товаром, а также в связи с переводом денег Веллингтону. Поскольку его ум не уступал амбициям, дела быстро пошли в гору. Через год после приезда он купил у министра Фуше великолепный парижский дворец, в котором стал устраивать роскошные празднества.

Кредиты

Английский филиал продолжал и после Натана субсидировать государство. В 1875 году правительству Дизраели был дан заем на 99 миллионов золотых франков для выкупа у египетского хедива принадлежащей ему части Суэцкого канала.

Конкуренция

Братья Перейр были не только единоверцами, но и самыми опасными конкурентами Джемса де Ротшильда. Благодаря созданному ими кредиту движимостей и участию в железнодорожных компаниях они могли стать при содействии протестантских банков первыми финансистами Франции. Однако после долгой борьбы Ротшильдам удалось обанкротить их.

Прототип

Альфонс де Ротшильд послужил Мопассану прототипом героя в романе «Милый друг».

Самый главный барон из всех Ротшильдов

Падение Наполеона обогатило его и принесло ему первенствующую роль в фамильной империи. Семисотмиллионная компенсация союзникам, к которой была приговорена Франция, означала для банкиров наступление новой эры процветания. Более всех прочих воспользовался этим «барон Джемс». Казна была почти пуста, и правительству Реставрации пришлось прибегнуть к новой мере – государственному займу. Открыто продававшиеся облигации этого займа, более известные под именем ренты, были гарантированы государством. Во Франции, где бережливость и накопление считаются величайшими добродетелями, эта операция оказалась весьма успешной.

Главная и крайне выгодная роль в проведении займа принадлежала частным банкам. Они давали казне кредит на сумму, соответствующую определенному числу облигаций, которые затем продавали частным лицам, получая при этом немалые комиссионные. Джемс де Ротшильд, благодаря весьма активной светской жизни, имел доступ в коридоры власти и получил свою долю в этих откупках на чрезвычайно выгодных условиях. К тому же он сумел занять в финансовом мире доминирующее положение, что позволило ему в будущем влиять, конечно, с выгодой для себя, не только на экономическую, но и на политическую жизнь. Он помогал Людовику XVIII выплатить компенсации, создал большие страховые общества и первые железнодорожные компании, давал кредиты Карлу X, Филиппу и Наполеону III. За границей он финансировал независимость Греции, создание Бельгийского королевства и объединение Италии. В Париже Джемс Ротшильд выделил Луи-Наполеону несколько миллионов, которые помогли принцу преодолеть первые ступени по пути к трону. Именно ему принадлежала счастливая идея способствовать появлению в свете молодой испанки Евгении де Монтихо⁴.

Управляющий

⁴ Впоследствии жены французского императора Наполеона III. (Примеч. пер.)

Сын Джемса, Альфонс, получил французское подданство и в 1855 году стал управляющим Банком Франции.

Династия Ротшильдов

Вследствие быстрого развития английских и французских филиалов осуществились все мечты Мейера Амшеля. За каких-то два поколения прозвище франкфуртского старьевщика стало синонимом богатства, роскоши и престижа. Благодаря труду его потомков это верно и до наших дней. Описание карьеры каждого члена «дома Ротшильдов» выходит далеко за рамки этой статьи. Чтобы составить некоторое представление о дальнейшей судьбе этого поразительного семейства, читатель может обратиться к генеалогической таблице и приводимым замечкам.

13 февраля 1800 года Бонапарт учредил Банк Франции. Клод Перье написал его устав. Предполагалось, что это будет частное учреждение для регулирования торговли посредством выпуска ценных бумаг при конкуренции нескольких парижских фирм, занимающихся аналогичной деятельностью. Тогда Банк Франции был совсем небольшим. И если пост его управляющего считался престижным, то лишь по причине привилегированных отношений с властью. 14 апреля 1803 года Банк получил монопольное право на эмиссию банковских билетов, а в 1806 году был преобразован в государственный, но при финансировании частными лицами. Управляющие избирались двумястами наиболее влиятельными вкладчиками. Именно этот пункт устава и породил впоследствии легенду о «двухстах семействах».

Власть денег

Поэт Генрих Гейне хорошо знал Ротшильдов. Он писал о служащих «барона Джемса»: «Я предпочитаю встречаться с бароном у него в конторе, чтобы наблюдать, как люди (...) пресмыкаются перед ним. Здесь вы увидите такие изгибы позвоночника, которые трудно повторить даже самому умелому акробату».

Управляющий Банком Франции

Мне доводилось быть свидетелем того, как, подходя к барону, человек судорожно складывается вдвое, словно прикоснувшись к вольтовой батарее».

Банки

Древний мир

Первые учреждения для кредита и обмена денег, которые вполне можно назвать банками, появились в Вавилоне. Но, возможно, они существовали и в торговых сообществах Карфагена и Финикии с очень давних времен.

Однако только древние греки сделали банк необходимым звеном в экономической жизни.

Банкирами у них были или жрецы, хранители «сокровищ» больших храмов, или миряне, занимавшиеся обменом денег. Для облегчения многочисленных торговых связей между городами греки придумали кредит под проценты и ввели во всеобщее употребление векселя.

В Риме, этой цивилизации юристов, профессия банкира долгое время совмещалась с ремеслом ювелира и строго регламентировалась.

Занимавшиеся ею были обязаны тщательно вести записи текущих счетов. Они производили те же операции, что и их греческие собратья, но предпочитали кредит под проценты в пределах 20–40 %.

Средние века

В Средние века не было, как в эпоху Античности, профессиональных банкиров. Их заменяли богатые купцы, которые, по примеру Жака Кёра или Якоба Фуггера, занимались одновременно и торговлей, и банковским делом. Такое положение объяснялось в основном двумя причинами: экономикой, основанной на натуральном хозяйстве, которая привела почти к полному исчезновению торговли, но прежде всего тем, что Церковь осуждала все формы ростовщичества. Однако начиная с XI века некоторое оживление торговых связей между странами привело к робкому возобновлению банковской деятельности, остававшейся, впрочем, привилегией немногих замкнутых групп. К ним относились: евреи, не подлежащие отлучению от Церкви; тамплиеры, чьи набитые денежными сундуками вплоть до царствования Филиппа Красивого представляли наилучшую гарантию надежности; жители Кагора, обладавшие особой на то привилегией; и, конечно, прежде всего тосканцы (Барди, Альберти, Перуцци и прочие Медичи), ошибочно называвшиеся ломбардцами. Эти последние и создали настоящие денежные империи. Ломбардцы образовывали семейные общества, которые владели магазинами, складами и конторами во всех больших городах Востока и Запада. Они находились под покровительством пап, которых ссужали деньгами еще до того, как стали их племянниками.

Новое время

Большие общественные банки получили распространение только в начале XVII века и лишь в протестантских странах, после того как было разрешено наконец ростовщичество. Впрочем, появились они на два века раньше и занимались тогда лишь хранением и переводом денег, но отнюдь не кредитом, который оставался монополией купцов.

Во Франции кредитные банки получили настоящее развитие только при Второй Империи. До того времени банковское дело, как правило, было всегда семейным предприятием, имевшим лишь очень богатых клиентов. Растущие нужды развивающейся промышленности побудили финансистов широко привлекать частные сбережения и создать с этой целью новый тип банков, которые в форме акционерных обществ были открыты для любых вкладчиков.

Биржа

Биржа сыграла весьма важную роль в мифологии XIX века. Этот храм денег, где создаются и гибнут целые состояния, это магическое и одновременно ужасное место, в котором рождаются самые безумные мечты и завязываются самые гнусные интриги, вдохновило многих художников и романистов. Скольких героев Бальзака и Золя, скольких персонажей Гаварни и Домье видим мы ожидающими с воспаленным взором непреложного приговора судьбы! Как казино, как большие отели, а впоследствии и трансатлантические лайнеры, дворец Броньяр стал в эпоху торжества капитализма символом богатства и удачи и притягивал публику с небывалой и уже никогда не повторившейся силой.

Если фондовые биржи, где занимаются акциями, облигациями и рентами, появились только вместе с акционерными обществами, то торговые биржи восходят к эпохе Античности. Чтобы договариваться друг с другом, покупать и продавать товары и объединяться в сообщества, афинские купцы собирались в пирейском порту, где существовала своего рода постоянная биржа. Что касается римлян, то они предпочитали строить на форуме большие базилики, которые служили самым разным целям (политическим, культурным и т. п.). В Средние века купцы устанавливали курс денег и договаривались между собой на периодических ярмарках.

Только к концу XIV века в европейских торговых столицах появились настоящие торговые биржи.

Происхождение слова «биржа» следует искать в имени семейства Ван дер Бурсе, чей дом в Брюгге служил местом встречи проезжих купцов. Оно напоминает о приоритете фламандских финансовых центров перед другими европейскими городами (Антверпен – XIV век, Амстердам – XVII век).

Во второй половине XVII столетия развитие акционерных обществ вызвало к жизни «фондовые биржи», хотя очень долго сфера их деятельности ограничивалась лишь кредитами государству и делами с акциями колониальных обществ, например различных Индийских компаний.

Место Амстердама, постепенно утрачивающего свое значение в конце XVII века, в начале следующего столетия заняли Лондон и Париж, как два крупнейших фондовых рынка Европы. Однако очень долго помещения, в которых располагались столь важные для развития экономики учреждения, оставляли желать лучшего. Коммерсантам приходилось собираться в кофейнях, а иногда и просто на улицах (Свитингс-Эли, Лондон; Рю Квинкампуа, Париж). Только в 1801 году лондонские финансисты решили построить Кэпел-Корт-здание для своей уже знаменитой Фондовой биржи. В Париже официальное открытие биржи состоялось 24 сентября 1743 года. После банкротства Ло власти поняли, сколь настоятельно требуется упорядочить рынок, чтобы подобная катастрофа не повторилась в будущем. Новосозданное учреждение занимало сначала старый Отель де Невер (ныне Национальная библиотека), потом, переменяв несколько парижских кварталов, обосновалось в весьма престижном здании-«дворце», построенном Броньяром в 1826 году, что свидетельствовало о той важности, которую оно приобретало в новое время.

В течение всего XIX столетия – золотого века капитализма – лондонская и парижская биржи, оттеснив амстердамскую, оспаривали друг у друга первое место. Но обеих после войны 1914 года обогнал Уолл-Стрит (американская биржа создана в 1792 году).

С этого времени стали различать сберегательные и учетные банки для краткосрочных кредитов и коммерческие банки.

Жакоб Эмиль Перейр (1800–1875)

Перейр, чье сердце разрывалось между деньгами и неимущими, был главным банкиром Второй Империи, но ему пришлось столкнуться с Ротшильдами

Акула филантропии»

Жакоб Эмиль Перейр был внуком португальского еврея, приехавшего во Францию, чтобы устроить там обучение глухонемых. Он одновременно совмещал в себе качества жесточайшего дельца и неисправимого филантропа.

Переселившись в 1822 году в Париж вместе с братом Исааком, Перейр страстно увлекся неосуществимо-благородными идеями Сен-Симона, которые отстаивали его ученики в журнале «Глобус».

Король рельсов

К счастью для него, взгляды Жакоба на экономическое развитие были куда более трезвыми, чем мысли о будущем всего рода человеческого. С помощью братьев Ротшильдов, которые дали ему необходимый кредит, он вошел в финансовый мир и начал крупное строительство французских железных дорог. Несмотря на скептицизм инвесторов, все еще не доверявших этой слишком новой сфере, он добился блестящих успехов. После открытия в 1835 году линии Париж-Сен-Жермен-ан-Лэ он создал «Компанию северных железных дорог», затем в 1846 году стал руководителем лионской железной дороги, а в 1852 году получил разрешение на основание общества для железнодорожного строительства на юге Франции.

Кроме «Глобуса» Жаков Эмиль Перейр сотрудничал в ежедневной газете «Насьональ», основанной Арманом Каррелем.

Утописты

Став за несколько лет одним из богатейших французских предпринимателей, Жакоб тем не менее не забыл свои прежние сенсимонистские идеи. Поэтому в 1852 году с помощью Исаака он основал новое дело – «Кредит движимости», имевший двойную цель – помочь неимущим выйти из той жестокой бедности, в которую загнала их система эксплуатации, и сделать самого Перейра еще большим капиталистом. Этот банк совершенно нового типа считал своим главным делом долгосрочное финансирование промышленных предприятий, но одновременно он опирался на филантропическую идеологию, которая не вызывала никакого доверия у Джемса де Ротшильда. Этот банкир не только сразу же вышел из дела, но и решительно разорвал всякие отношения с обоими сенсимонистами-финансистами и начал против них войну не на жизнь, а на смерть.

Тем не менее «Кредит движимости» имел блестящий успех и явился одним из главных факторов промышленного развития Второй Империи. Он сыграл большую роль в реконструкции столицы, произведенной бароном Османом (Компания омнибусов, устройство газового освещения и т. д.). Однако, несмотря на поддержку Наполеона III, «Кредит движимости» не смог пережить экономический кризис 1863 года и через три года был объявлен банкротом...

Политик

Жакоб Перейр был не только финансистом и филантропом, но и политическим деятелем. В 1865 году его избрали депутатом Законодательного Собрания.

Аристид Бусико (1810–1877)

«Бон Марше» стал настоящим дамским счастьем, потому что там все продавалось дешевле, но зато больше... И прибыли возросли. Для этого нужно было только немного подумать!

Создатель больших магазинов

Первый «большой магазин» был открыт в Париже при императоре Наполеоне III на углу улиц Бак и де Севр. Он назывался «Бон Марше» («Там, где дешево») и принадлежал неизвестному нормандскому коммерсанту Аристиду Бусико.

За несколько лет, благодаря оригинальному замыслу, он буквально перевернул весь торговый мир и столь известные привычки французов к экономии.

Аристид Бусико

Поскольку все продавалось там дешевле, чем в других местах, этот магазин притягивал особенно женщин, от простых работниц до важных дам буржуазного мира. Под предлогом экономии они разорялись в пух и прах, поддаваясь ловким уговорам покупать совершенно ненужные им вещи.

Старший приказчик

От своих родителей, торговцев шляпами в Беллеме, Аристид не унаследовал ни единого су, но зато получил редчайший дар, стоящий всего золота мира – умение зарабатывать деньги. В 18 лет он поступил простым продавцом в лавку новых товаров, где научился продавать то, к чему покупатели не привыкли, и задешево покупать такие вещи, с которыми не хотели расставаться их владельцы. Затем он «устраивается в Париже» и после семнадцати лет каторжного труда получает пост, считавшийся по социально-экономическим представ-

лениям того времени эквивалентом маршальского жезла в карьере – место старшего приказчика.

20 м

Именно тогда ему предложили стать совладельцем скромного магазина под вывеской «Бон Марше», площадь которого едва достигала 20 м²².

Через десять лет, в 1863 году, проявив невиданную энергию и исключительную изобретательность, он стал единоличным хозяином этого магазина, здание которого значительно перестроил. Но, самое главное, Бусико смог воплотить в жизнь свою давнюю идею «образцового магазина» по продаже «новинок». Первый камень нового заведения был заложен 9 сентября 1869 года. Аристид сам вникал в малейшие детали строительства, и 2 апреля 1872 года состоялось торжественное открытие. Успех превзошел все самые смелые его ожидания.

Биографические сведения

Аристид Бусико родился 4 июля 1610 года в Беллеме; умер 26 декабря 1877 года в Париже; жена – Маргарита Герен (1816–1887).

Золя

Его роман «Дамское Счастье», написанный в 1883 году, вызывает в памяти необычайную жизнь Аристида Бусико. Но в противоположность тому, что можно предположить, прочтя роман, «Бон Марше» отнюдь не разорил мелкую торговлю.

Новый метод торговли

Идея «Бон Марше» основывалась на принципах, революционных по своей сути и в то же время простых как дважды два: каждый отдел соответствовал специализированному магазину; прибыли систематически снижались (20 % сравнительно с обычными тогда 40 %); вместо того чтобы торговаться, на товарах маркировали цену; производились ежегодные распродажи, и «реклама» была не только в Париже, но и в провинции... Такая организация давала много преимуществ как самому Бусико, так и его клиентам. Большое число продаж позволяло снижать стоимость и повышать рентабельность труда. Объединение нескольких магазинов в один было удобно для покупателей, которые экономили время, имея притом большой выбор (в частности, провинциалы очень ценили возможность купить все за один день и уехать вечерним поездом). Продавая дешевле, но в больших количествах, Аристид Бусико открыл принцип современной экономики.

«Бон Марше» очень скоро нашел подражателей, и идея «большого магазина» получила ошеломляющее распространение. В 1853 году Ксавье де Рюэль открыл «Базар у ратуши», затем последовал «Лувр» в 1855 году, «Весна» в 1865 году и «Пассаж Лафайет» в 1895 году⁵. Эта конкуренция несколько не повредила делам «Бон Марше» и отнюдь не заботила самого Бусико, который, в противоположность многим создателям больших состояний, совсем не стремился к монополии. Как только новое предприятие стало работать самостоятельно, он сразу же поручил его одному из помощников и отдался своей второй страсти – филантропическому патернализму.

Магазин «Весна»

Этот магазин, открытый бывшим служащим Бусико по имени Жалюзю, также использовал рекламу. В одном из объявлений, весьма характерном для торговли нового типа, зна-

⁵ Такие даты приведены во французском издании

чилось: «Бароны высокой коммерции никогда не обращали внимания на простую женщину или работницу. О них позаботился магазин *«Весна»*».

Филантропы

Ради улучшения жизни своих служащих Аристид Бусико выделял большие суммы на различные филантропические цели («Общество помощи раненым и больным»; «Женщины Франции за освобождение захваченных территорий») и, самое главное, основал страховую кассу для работников фирмы.

После смерти Бусико его вдова продолжала и коммерческие, и благотворительные дела. С 1880 по 1885 год она лично руководила магазином «Бон Марше» и значительно расширила торговлю.

Перед своей кончиной в Каннах в 1887 году госпожа Бусико раздала служащим фирмы сто пятьдесят паев из фонда акций и пожертвовала деньги на пенсионную кассу.

Не имея детей, она оставила все свое состояние служащим «Бон Марше» и нескольким благотворительным учреждениям. Больница Бусико – одно из сохранившихся доныне свидетельств ее щедрости.

Марсель Буссак (1889–1980)

Перекупая английские самолетные ткани, Марсель Буссак стал самым знаменитым французским миллиардером. Но больше всего он известен среди фанатиков ипподрома

Миллиардер самолетных тканей

Когда женщина молода, красива, наделена романтической душой, а в юности тайком зачитывалась запретными книгами из отцовской библиотеки, ей очень трудно быть женой простого торговца сукнами в провинциальном городке. Именно таким было положение госпожи Буссак в Шатеру, в сумрачной лавочке, где для нее бесконечно тянулись часы с той томной печалью, которую испытывают, наверное, заморские птицы, запертые в клетке у консьержки. Пока почтеннейший супруг отмерял у себя за стойкой куски сукна, она твердила стихи модных поэтов и переживала в своем воображении сцены из «Мадам Бовари», которые не полагалось знать хорошо воспитанной женщине, дабы не заразиться ядом разврата, совратившим добродетель уже стольких юных девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.